

В.А. БЫКОВ

Дневниковые записи

Том 1

16+

Владимир Быков
Дневниковые записи. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Быков В. А.

Дневниковые записи. Том 1 / В. А. Быков — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

В этой книге - инженерный взгляд на жизнь и ее проблемы, отображенные в рамках анализа их причин и возможных следствий на основе конструкторской практики, где такой анализ возведен в ранг исходных основополагающих принципов, вне которых не мыслим процесс созидания чего-либо нужного и полезного.

Владимир Быков

Дневниковые записи. Том 1

Предисловие

После издания моей первой книги «Заметки конструктора» от многих прочитавших ее я услышал пожелание в дальнейшем написать побольше о людях, с которыми мне довелось работать и встречаться. Долго думал, как откликнуться на эту просьбу, и остановился на форме дневниковых записей, в которых я бы мог это сделать наряду с размышлениями обо всем остальном, что может привлечь мое внимание по ходу начавшейся новой жизни. Я приурочил начало записей ко дню своего выхода на пенсию и замыслил их в виде цикла воспоминаний, которые, я полагал, непременно будут возникать у меня по ассоциации с событиями и разными обстоятельствами дней текущих.

Итак, я приступаю к осуществлению задуманного без конкретного плана и представления о том, во что оно выльется.

1997 год

28.08

Отдав учебе в институте и работе 54 года своей жизни, сегодня вышел на пенсию. Как у нас водится, по каким-то узаконенным соображениям, дабы чего-то не терять в материальном плане (это мне подсказали сердобольные люди), уволен по идиотскому приказу «в связи с сокращением штата работников». Иначе у нас не получается: любую кашу надо обязательно испортить ложкой прогорклого масла. Один из примеров на тему мелких недостатков соцсистемы, когда приходилось поступать вопреки здравому смыслу, но зато в полном соответствии с формальными инструкциями или правилами.

Так и тут. 70 лет, самоотверженная работа, добрая сотня сведений о разных наградах и поощрениях в трудовой книжке и... последняя в ней строчка с упомянутой записью. А перед тем – помпезные проводы с хвалебными речами, по поводу которых вынужден был в заключительном слове обратить внимание присутствующих на неадекватность их тому, что было сделано. «Да, был труд, порой напряженный, были сомнения, переживания, но это воспринималось как чуть не сплошное каждодневное удовольствие и праздник. Сомнения, переживания? Так они постоянно гасились тем, что таковые предыдущего периода оказывались неоправданными или явно завышенными».

Мне, можно сказать, в жизни еще и везло. Все получалось согласно задуманному, практически не было бросовых объектов, ни дня не сидел без дела. Не работа – театр. Я и ходил на нее как в театр. В полной мере, исключая разве последние перестроечные годы, относил себя всегда к самым счастливым людям своего поколения. Была, конечно, масса возмущений, но и тут я умудрялся вписывать их в творческую струю не совсем обычной, а потому опять же для меня занимательной с ними борьбы.

К моменту выхода на пенсию я позволил себе допустить некоторое послабление по работе, благо ее стало меньше и она пошла производиться на пресловутую полку. Усиленно занялся подготовкой первой книжки («Заметки конструктора», 1997 г.), закончил и уговорил издателя срочно ее напечатать к названной дате. Так что при прощании я подарил добрую сотню экземпляров ближайшим начальникам, друзьям и товарищам по работе.

От издания книжки получил еще одно удовольствие, напечатав ее, в отличие от старых советских времен, полностью в задуманном варианте, без купюр и прочей издательской отсебятины, на условиях правки лишь орфографических и синтаксических ошибок. Она стала первой печатной работой публицистического характера, которую считаю истинно своей от первого до последнего слова (исключая разве отдельные статьи в заводской газете во времена, когда

там был редактором Б. Шигайкин, не позволявший себе без ведома автора исправлять чуть ли не запятую).

30.08

Вечером, после официальных проводов, устроил прощальный ужин дома для ближайших коллег, прежде всего, из отдела крупносортовых прокатных станков, где я начинал свою трудовую биографию и где фактически ее заканчивал.

Люблю домашние застоля: меньше официоза, больше душевности, нет ограничений. Если собирались интересные собеседники, то, особенно в молодости, засиживались до утра. Оставались в конце концов самые «упорные». Ресторанно-банкетная обстановка такого не позволяла и потому часто, по ее завершении, кто-нибудь из компании тащил упорных к себе в дом. Вот тогда и начиналось настоящее пьянящее общение.

Способностью к ночному к себе завлечению у нас отличался В. М. Нисковских. Любил подобные экспромты А. В. Третьяков. У обоих это получалось очень естественно, к месту и встречалось с должным воодушевлением, причем всегда в упомянутом составе. Не брезговал этим и я. Жена моя была тут на высоте: всю жизнь любила подобные сборища, принимала любых гостей с величайшим гостеприимством и в добром настроении в любой час. Эту ее черту отлично знали и потому без возражений откликались на мою просьбу. В последние годы, когда она тяжело заболела, я приглашал уже постаревших и несколько отяжелевших на подъем приятелей под предлогом доставить приятность больному человеку, «одиноко ждущему, – говорил я, – сейчас именно вас и никого другого». Не помню, чтобы такие собрания были для нас с ней обременительны и вызывали хотя бы малую неудовлетворенность.

17.09

Сегодня послал свою книжку М. Б. Цалюку. С ним у меня завелась переписка после его отъезда в Израиль и последовавшего затем весьма приятного (и, может, несколько неожиданного для Матуса) моего поздравления его с 70-летием. Поскольку поздравление я переслал тогда совместно с приветствием от коллектива его бывшей лаборатории, то оно получилось у меня несколько высокопарным, но верным и от души.

Примерно через полгода я получил от него книгу воспоминаний под названием «Автопортрет» с не меньшими, видимо под впечатлением моих ему, дифирамбами в мой адрес, чем поставил меня в неловкое положение в сравнении с остальными, им упомянутыми.

С великим вниманием прочитал тогда его ностальгический труд. Прочитал дважды. Первый – запойно в рукописи (она была напечатана в нашей заводской типографии и потому попала мне в руки), второй – с расстановками и размышлениями, в книжных корочках и с авторской надписью. Эффект соучастия, даже некоторого порой предзнания описываемого делает подобные повествования всегда много интереснее и завлекательнее: что-то забыл, что-то запомнил с меньшими подробностями, чего-то не знал, но представляешь его именно так, как тебе сейчас, через полста лет, рассказывается. В данном случае я усматривал, кроме того, и определенную экспромтную талантливость автора.

Только про меня он действительно хватанул слишком. Боялся даже, как бы кто не «помер» от белой зависти. Про живых, известно, надо писать осторожно. Он – мало написал, еще и привел в книге полный список фамилий. Мне представлялось, как тогда, по первым прочтениям, им поименованные только и делали, что листали свои страницы и сравнивали их с другими, где их грешных имен нет. Естественно, все по известному толстовскому правилу. А тот, кто не сумел того проделать сам, но что-то о книге слышал, даже спрашивал: есть ли там, у Цалюка, чего-нибудь про него?

Люди в каких-то частностях интересны все, но по-настоящему оставляют след в нашей душе немногие. Сужу по разным торжественным собраниям, когда, давая характеристику тому или иному деятелю, приходилось ограничиваться перечислением разных дат и случаев его в чем-либо участия. Обычно это произносилось в адрес одного, и потому слушающей публикой

легко проглатывалось. У Цалюка же все вместе, да и написано, а не сказано. Формула же его оценочная близка к моей вышеприведенной.

Что-то в этом духе я написал тогда Цалюку. Теперь буду ждать его реакции на свои «Заметки».

05.11

Получил ожидаемое с положительной в целом оценкой моего труда. В письме много хвалебных слов в мой адрес, но и много конкретных замечаний и возражений, изложенных в цалюковской манере собственного «домысливания за автора». Смысл их можно установить из моего ответа.

«Получил твое послание. О первой части не говорю. Отношу ее не столько к своему труду, сколько к твоему соответствующему времени и месту настроению, когда хочется чего-либо похвалить или одобрить, как только оно окажется несколько за рамками обыденности. Со второй частью полностью согласен, но хохотал над ней (вместе с Галей, которой читал ее со своими комментариями) до упаду, разве чуть меньше, чем

над твоим «серьезным» ответом юмористу Третьякову на его: «тебе – академика, Нине – доктора» и пожелание писать подобное «со ссылками на использованные литературные источники». Там я, вспомнив заказанный им однажды под Новый год для Васьки Терентьева журнал «Свиноводство», готов был от смеха вообще залезть под стол.

Так вот, Матус, полностью согласен, но с одним замечанием, что всё мне приписываемое – не мое. Тобой критикуемых глупостей никак не усматриваю и даже вообразить не могу. Рассцениваю данное как следствие минутной увлеченности и твоего завода. Потому не хочу ничего ни опровергать, ни разъяснять. Прочитай внимательно критикуемое в общем контексте и специально для сего случая (заранее проигранного и ожидаемого) сделанных мною многочисленных оговорок и советов на тему, как надо читать и воспринимать кем-то написанное.

Меня можно упрекать за сложность, корявость слога, за повторы, еще за какие-либо литературные грехи, но не за глупости и алогичности – ими я никогда не занимался. К тому же в книжке не мои умо-представления, а только констатация того, что в нашем мире было и есть. Не обижайся. Отнесем это к недостатку слова и фразы. Вспомним тот анекдотичный случай, когда два мужика целый день с пеной у рта спорят, а потом устанавливают, что мыслят и думают одинаково. Нет, определенно заскок. Либо у тебя, либо у меня, либо у обоих вместе: не дураки же мы с тобой».

Написал кратко из расчета, что он перечитает книгу еще раз и какие-то явно надуманные вопросы снимет.

20.12

Ожидания оправдались. В очередной раз Цалюк в чем-то покаялся, но тем не менее свой органический недостаток сохранил, несмотря на предыдущее о том напоминание. Вот какой ответ, теперь уже подробный, был ему сочинен.

«Первые впечатления от твоего свежего письма.

С одной стороны, все больше сам себе нравлюсь, ибо снова полностью с тобой согласен, согласен со всеми твоими новыми пояснениями и разъяснениями, с твоими подходами и взглядами. Согласен со всеми твоими утверждениями там, где они твои, а не мои. Однако, с учетом ранее брошенной мной и верно воспринятой тобой фразы о «дураках» и твоего настроения на полное повторение предыдущего письма, испытываю определенные сомнения. А может, он точно прав, раз именно так, а не иначе понимает мной написанное?

С другой стороны, я не мог не проиграть, как один из вариантов, подобный уверенный твой ответ и потому готов столь же уверенно попытаться доказать его некорректность.

О сталинской системе. У меня речь идет только о «волевом управлении» народным хозяйством, а не о каких-то «успехах в индустриализации» и «генетическом развале» сельского хозяйства. В этой части, в части создания условий, и только условий, «эффективного хозяй-

ствования» (безусловно, относительного) в рамках тоталитарной системы, тогдашние экономисты были очень умными людьми, чего, к сожалению, мы лишены нынче, а потому и сидим в болоте. Отсюда все твои разъяснения относительно «злого ума» и его последствий совсем не к месту. К приведенному они никакого отношения не имеют.

О философии. Ты критикуешь фразу о том, что «философия никогда не оказывала прямого воздействия на настоящее движение жизни», и противопоставляешь ему ее «воздействие на умы интеллигенции». Хотя у меня тут же значительно более емко сказано, что «философия – инструмент для достижения поставленных задач и целей...», а ниже в том же плане и опять очень точно – «она способствовала... организации всплесков на... кривой эволюции...». Обращаю также внимание на слова «настоящее движение», т. е. интересующее нас движение в стратегическом плане, и на достаточную осторожность критикуемой фразы из-за наличия перед ней слов «на мой взгляд». О чем спор?

О теории. По моим понятиям, в философии нет теории в правильной, не фискальной, трактовке последней, поэтому не «в философии теорией», как у тебя, а самой философией «обосновывается как бы заранее придуманный, нужный автору вывод». Главное же в том, что мною не исключается философия как «плод умозаключений ее автора», ибо масса придуманного (даже самого злого и глупого) может быть следствием вполне искренних побуждений. А потому далее тут становятся неуместными твои рассуждения о Ленине, Плеханове и Короленько. Слов о «корыстной цели» здесь близко в книге я не нашел, но они, помню, где-то есть, однако их всегда можно отнести к не раз (повторюсь) оговоренному в книге исключению из того, что касается подавляющего большинства характеризующей нами группы людей, явлений и т. д.

О побуждениях и последствиях. Ты прицепился к фразе о «свершившихся событиях», к моему утверждению о том, что для их оценки (тут не только для меня, а без всяких, считаю, исключений) не важно, следствием «каких побуждений... они явились». Ты придумал в защиту своей позиции, будто я считаю, «что допустимо воздействовать на общественное развитие сегодня, не используя опыт прошлого». Какие вольности ты себе позволяешь? Разве где-нибудь есть хоть одно слово, которое давало бы возможность приписать мне сие? Хотя не только не исключаю подобный метод «воздействия», но и, более того, считаю, это где-то у меня приведено, что гегелевская «ирония истории» является для массы вождей именно следствием таких их действий (безусловно,

не от незнания истории, а от нежелания ее «знать»). Естественно, для меня лично такое абсолютно исключено. Но это опять, кажется, сверх программы нашего спора. В продолжение же последнего можно лишь добавить, что побуждения не «должны», а могут теми, кому это интересно, анализироваться и не только с «честными целями», но и с какими угодно другими, что часто и делается, о чем у меня тоже сказано.

5. О слове и числе. Ты должен бы тут абсолютно со мной согласиться, ибо по делу (если ставить сравниваемые моменты в сравнимые исходные по их качеству позиции, а не брать один из разряда полугениальности, а другой из области чуть не глупости) слово и цифра по однозначности заложенной в них информации при всех прочих равных условиях, из которых мы с тобой всегда исходили, – прямо антиподные вещи. Твои примеры из истории по широкополочному стану и по валкам – не выдерживают критики. Как раз формулы-то все там и решали, а слова, как слова, – выполняли свою известную функцию. Неуместны и твои пространственные рассуждения о собственных значимостях слова и цифры. У меня о сем «эффекте», например, первого сказано даже больше твоего (см. хотя бы размышления о власти). А лучше всего, пожалуй, будет вспомнить высказывания Галилея и Ньютона – их своеобразный гимн математике. «Природа говорит с нами на языке математики»... Надо «придать физике математическую ясность, чтобы выволить ее из болота бесплодных дискуссий о словах». В части же некоей «особой значимости» слова согласен не только с тобой, но и с Германом Вейлем,

который писал, что «слова – орудия опасные. Созданные для повседневной жизни, они обладают привычным значением лишь при известных ограничениях, но человек склонен распространять их на более широкие сферы, не заботясь о том, сохраняют ли они при этом твердую опору в реальности или нет. Не потому ли к таким тяжким последствиям приводит нас магия слов в сфере политики, где слова имеют уже совсем расплывчатое значение и человеческие страсти нередко заглушают голос разума».

Так что нет никакого спора. Есть просто (и тут только твой) заскок.

Думаю, ты согласишься с моими доводами. Но остается вопрос. Какая все же текстовая неточность, недоговоренность и тому подобные мои упущения послужили основанием для критики со стороны не просто читателя, а умного читателя? Об этом я хотел бы от тебя услышать. В части же принципиальных, так сказать мировоззренческих, аспектов позволю еще раз обратить внимание на то, что у меня написано. Нельзя домысливать за автора вне контекста, вне общей направленности им представленного. Нужно быть весьма осторожным и придерживаться золотого правила: критикуемый не глупее критикующего. Критика должна быть на порядок точнее и весомее критикуемого. Она обязана быть безупречной».

1998 год

07.01

Книжка явилась неким «заполнителем» первых отпускных, не занятых работой дней. Разносил и рассылал ее по собственной инициативе и по случаям разных okazji еще долгое время. Она явилась поводом для более крепкого восстановления старых знакомств с интересными людьми либо способом лишней раз напомнить кому-нибудь о своем бренном существовании. Недавно, например, послал четыре экземпляра А. Б. Вернику и М. И. Гриншпуну. А вчера встретился с И. И. Потаповым и Ю. Н. Кондратовым.

Встреча состоялась в комнатке дома Облсовпрофа. Потапову ее выделили после ухода с должности председателя Совета.

Кроме нас он пригласил еще своего приятеля Ю. С. Корнильцева, притащившего с собой, надо полагать по просьбе Потапова, батон и кусок колбасы (бутылка у Потапова была припасена заранее).

Начались разговоры с воспоминаниями о прежних годах жизни, разных значимых событиях и их участниках. Занимал нас главным образом Иван Иванович, сохранивший до сих пор великолепную память, удивлявшую меня еще во времена работы парторгом завода. Впечатление такое, что он и сегодня помнит не только фамилии всех встречавшихся ему людей, но даже их имена и отчества. По ходу беседы он добавлял их, для лучшего впечатления, и к фамилиям, упоминавшимся остальными участниками собрания. Запомнилась встреча еще и тем, что в силу тесноты мира Юрий Сергеевич оказался моим дальним родственником, правда, настолько, что сейчас даже не могу восстановить точно наше с ним древо родства.

В конце я вручил книгу Потапову и Кондратову и пообещал то же сделать Корнильцеву. В ответ Иван Иванович подарил мне свою, как оказалось, одновременно с моей напечатанную тем же издательством «СВ-96» под броским, соответствующим его биографии названием: «Тридцать лет в президиуме».

08.01

Напечатать книжку помог Леонид, оплатив расходы по ее изданию из казны своей конторы, организованной им в перестроечные времена. Но прежде о Леониде как моем брате и человеке.

Первые мои впечатления связаны с тем обстоятельством, что я старше на два с половиной года и потому был в его дошкольные годы на положении няньки, но няньки-мальчишки, не лишнего, наряду с проявляемой о нем заботой, желания иногда над ним подтрунить, позабавиться. Попугать, например, сидящими под кроватью медведями или волками, а после столь же быстро остановить плач заявлением, что волков нет и что это мои придумки. Подмы-

вала меня к таким действиям не реакция брата, а его доверие ко мне. И потому я никогда не смаковал испуг и наслаждался обратным – мгновенным прекращением слез и полным успокоением по малейшему на то моему желанию.

Братец мой был болезненным ребенком. После того как мы с ним переболели простейшей корью, я больше, тьфу-тьфу, ничем серьезным не болел и практически никогда не лечился. Страдал лишь, будучи уже в возрасте, несколько от радикулита, да и то, как правило, по своей глупости и упрямству. От спанья в походах на голой земле; от залезания в холодную воду какого-нибудь ручейка, а потому в скрученном от тесноты виде, который тут же фиксировался на моей спине; от какого-нибудь явно неподъемного бревна, которое мне вдруг приспичило сдвинуть с места, и от тому подобных случаев своей глупости.

В шесть лет брат заболел скарлатиной, и я, учась во втором классе, на десять дней был отправлен жить к тетке (по матери) Фате в город. Каждый день после школы я подходил к своему дому, приветствовал через окно брата, отправлялся затем на трамвае к тетке на улицу Азина и там ждал ее возвращения с работы. Самостоятельность пацанов в те времена, в сравнении с теперешними, была потрясающей. Ведь связи никакой, телефонов нет, проверить, доехал ли я до тетки вечером, а утром до школы – никакой возможности. Тем не менее сегодня у меня такое впечатление, что никто из старших особенно и не переживал. Да и какие могли быть переживания, если мы были все лето предоставлены сами себе и чуть не каждый день в хорошую погоду таскались на водоемы: на Калиновские разрезы, на городской и Визовский пруды и даже заводские отстойники. Нас отпускали в ночное пасти лошадей с соседнего конного двора.

По той же причине хлебнул он сверх меры и во время войны, когда в 1943 году мы с ним поехали на сельхозработы под Туринск. Страшно представить, как со станции всю ночь под проливным дождем шли пешком двадцать километров до нашей деревни. А ведь ни плащей, ни резиновых сапог! В деревне две недели безвылазно пробыли на лесном сенокосе в шалашах среди комарья и ночью и днем без антикомарина в непригодной одежке и с постоянно мокрыми ногами. Питание до появления свежей картошки – одна гороховая каша, которой с голодухи по первому разу съели двухведерный котел, литра по два на каждый рот. Мыла нет, вшей давили в свободное время сотнями. Леонид не выдержал, заболел. Ни врача, ни лекарств. Единственное лечение – два дня менял пайку хлеба на стакан молока и поил его им горячим. Вернулись домой, мать рассказывала, грязные, полубосые, во всем изодранном,

а сами – одни кости. На следующий год – он снова на все лето в другой колхоз, но уже с матерью. Я работал и потому был оставлен дома. А со мной – 10 соток картошки, которую надо было одному окучить, убрать и на велосипеде всю перевезти. Но зато брат и потому, что повзрослел, и закалился накануне, да еще и при материнской заботе, прожил то лето в колхозе припеваючи. Приехал как с курорта и стал в моих глазах, человека, занятого днем на заводе, а по вечерам в школе, вдруг самостоятельным мужиком с мне не свойственными «деловыми» качествами и способностью к разного рода операциям, порожденным военным временем, вроде какого-нибудь продуктообмена, а порой и мелких махинаций.

Помню, в доме появилась мелкокалиберная винтовка, которая тут же исчезла в счет, вероятно, чего-то другого. А однажды он с приятелем попросил меня купить им в магазине по талонам американского весового шоколада. – «Что за талоны, где вы их достали?» – «Подобрали на свалке: их туда выбрасывают после отоваривания». – «А почему на них сегодняшняя дата?» – Ответ: «Подделали».

Поскольку я не был лишен авантюризма, то пошел «навстречу» и купил по поддельным талонам желаемого ими шоколада, попросив больше этим не заниматься. Не знаю, прекратил ли он сие, но ко мне, во всяком случае, больше не обращался. Но какими-то делами подобного рода продолжал заниматься. Стал плохо учиться, начались осложнения с отцом, который осенью 1945 года вернулся с войны. Я в это время уже поступил в институт, и решили мы на

семейном совете отправить его на завод, на освободившееся в цехе место разметчика. Дальше он практически полностью повторил мой путь. Так же проработал два года на заводе, окончил вечернюю школу и без треволений поступил в институт по специальности «подъемно-транспортное оборудование».

Короче, взялся за ум и направил свою энергию в нужное русло. С этого времени началось мое восхищение незаурядными его способностями, теперь в положительном плане.

В первую зимнюю сессию он заболел тифом и пролежал в больнице больше месяца. Болезнь заграбастала его настолько сильно, что вышел он из нее в самом настоящем негритянском обличье: с головой, покрытой густыми мелко вьющимися и черными как смоль волосами. Со временем они сколько-то распрямились и потеряли смолистый оттенок, но так и остались, на зависть многим особам женского пола, благородно вьющимися и жгуче-черными. Волосной покров головы изменился, умственные же способности ее сохранились и даже, похоже, окрепли. За пару месяцев он сумел сдать все хвосты за первый семестр, полностью наверстать упущенное во втором и закончить учебный год в целом.

После окончания института Леонид мог вполне остаться работать в Свердловске, но по каким-то соображениям решил поехать на строительство гигантского закрытого подземного завода под Красноярском. Там ему опять досталось. Но он оттрубил весь положенный трехлетний срок. Уволился в 55 году и поступил работать на Уралмаш в наш конструкторский отдел по профилю оборудования станов горячей прокатки.

Несмотря на то что к моменту его появления в отделе уже сформировалось большое число ведущих специалистов и все вакантные места были должным образом заняты, он в кратчайший срок сумел войти в элитную среду. Стал активнейшим изобретателем. Позанимавшись некоторое время проектированием толстолистовых станов, переключился на машины непрерывного литья заготовок. В числе первой команды конструкторов стал заслуженным изобретателем России и одним из самых молодых на заводе лауреатов Государственной премии СССР, которой удостоился за создание конвертерного комплекса с разливкой стали на МНЛЗ.

Ему свойственна высочайшая целеустремленность в достижении поставленных перед собой целей и задач, умение войти в доверие к нужному начальствующему лицу и легко обратиться к нему в свою веру. Круг хорошо знакомых директоров, главных инженеров предприятий, крупных министерских начальников был весьма обширен. Заводил он знакомства лично сам, без чьей-либо, насколько знаю, протекции – в основном на базе «проталкивания» своих объектов и многочисленных идей, причем иногда в области, не имеющей прямого отношения к плановой отдельской работе. Короче, когда ему надо было, знакомиться он умел легко и быстро и, кажется, не только с деловыми людьми, но и в обычной жизни, в молодые годы, еще и с особами женского пола. Должен признаться, что в части последнего я не раз пользовался его «услугами», так как сам такой способности был напрочь лишен.

Вместе с тем Леонид оказался не свободен от некоторых негативных черт характера, свойственных, к сожалению, весьма многим творческим людям. Был склонен завышать оценку собственных решений и, наоборот, занижал оценку чужих, часто был необъективен в восприятии тех или иных явлений, фактов и поступков своих коллег, особенно, когда они придерживались иной точки зрения. Крупный частный его недостаток, сохранившийся до сих пор, несмотря на нередкие мои ему замечания, – неумение корректно отстаивать свою точку зрения, излишняя, доходящая до грубости, безапелляционность в суждениях, часто воспринимаемая его визави как исключение им чуть не любого альтернативного суждения.

Может, эта его особенность человеческой натуры, а может, и что-нибудь более серьезное и менее субъективное привело его к осложнениям на работе.

Ко времени, когда по вертикальным МНЛЗ (где главную партию исполнял Леонид) работы были раскручены на полную катушку, по инициативе Нисковских, еще одного листовика, также сверхoderжимого конструктора, отличного организатора и дипломата, а потому не

без активного участия и помощи Химича, появилась идея нового направления в непрерывной разливке стали и стремительно развернуты работы по проектированию и изготовлению опытной МНЛЗ радиального типа. Оперативно создана неформальная команда из опытных конструкторов, в которую вошел и я, пишущий эти строки, хотя и был тогда занят своими крупными проектами. Но, в отличие от многих моих коллег, у меня над всяким личностным всегда довлело дело, и только оно, дело, определяло мои шаги и действия. Может быть, поэтому, что-то теряя в тактике, в плане стратегическом я оказывался почти всегда в непошибаемой позиции и никогда не испытывал хотя бы малого чувства дискомфорта от всего того, что происходит от нашего с вами противного «Я».

Так или иначе, в силу каких-то обстоятельств, думаю, не только служебных и деловых, связанных с тем, что вынужден был тогда тащить воз с вертикальными МНЛЗ, но и по причинам личностного, выше отмеченного, порядка, Леонид оказался в стороне от нового направления. И очень скоро в прямой фактически оппозиции к нему, а главное, не к технике, а к людям, ее созидателям, и, прежде всего, как всегда и происходит, к ее руководителям. Началась настоящая война с привлечением, как тогда было принято, общественности, парткомов, обкомов, министерств и всех остальных, кому только можно жаловаться.

Техника – дело сложное, и мне трудно дать точную оценку тогда происходившему по технической, определяющей, части спора и тем более в части личностной его составляющей. Лучше я, уже с полным знанием сути и при своей, как мне кажется, способности к объективному анализу, расскажу почти о таком же (один к одному) другом споре и при таких же (чуть не абсолютно) противостоящих силах и занятых ими диспозициях.

У нас в отделе за многие годы работы сложилось негласное разделение конструкторов на блюмингистов и всех остальных: горячников и холодников. Сложилось так потому, что отрасль блюмингостроения в самом начале ее становления, да и становления Уралмаша в целом, возглавил талантливейший конструктор и организатор Г. Н. Краузе, который, в силу своей исключительной самостоятельности и огромного авторитета в чисто человеческом плане, являлся для нас, молодых тогда, неформальным руководителем и своеобразным «законодателем моды» в проектировании прокатного оборудования. Способствовало этому, уже объективно, и то, что мы к тому времени перешли на комплексное проектирование целых заводов, одновременно нескольких

станов. Блюминг был головным и проектировался с определенным опережением, невольно обязывающим других исполнителей, уже и по делу, руководствоваться общими решениями, принятыми командой Краузе. Проекты по ним заканчивались раньше других, рассматривались и утверждались первыми, а затем первыми пускались у заказчика и сами блюминги. Это тоже была приличная вода на мельницу их создателей. Короче, блюминги были в моде по всем аспектам: и по технологии, и по месту и значимости на металлургическом заводе, и по всем прочим сопутствующим моментам той созидательной эпохи.

Но вот Краузе ушел с завода и открыл свою собственную проектную контору в Колпино, под Ленинградом. Кстати, несмотря на кажущуюся здесь его консервативность, там, на новом месте, он сразу же переключился на проектирование более перспективных объектов, начав с крупносортового стана 600 для Коммунарского метзавода. К сожалению, тут у нас остались менее способные его последователи, во всяком случае, менее чувствующие пульс времени, и потому с прежним энтузиазмом продолжали то, что ими начато когда-то давным-давно. Благо работа была: блюмингов было построено много. Но для правильного использования своих сил и способностей надо было понимать то главное, что в блюмингостроении уже не было места и оснований для постановки принципиально новых задач и новых проблем, без которых, как говорил математик Д. Гильберт, наступает «отмирание или прекращение дальнейшего развития». На данном этапе, если исходить из представлений другого математика, Г. Вейла, эта сфера деятельности, «подчиненная одному «императиву объективности», требовала опреде-

ленного «философского осмысливания», дабы «не окостенеть и не превратиться в рутину». Блюмингостроение фактически сдавало свои позиции и становилось историей.

Проблемы во взаимоотношениях с главными блюмингистами начались чуть не с первых дней, как только мне было поручено возглавить отрасль станов горячей прокатки. Не думаю, что это было связано с тем, что я сел в кресло одного из них – К. В. Корякина, который, конечно, переживал свой уход с начальнической должности, но, полагаю, понимал, что такой шаг был естественным решением, связанным с его пенсионным возрастом. Основным заперщиком в противостоянии моим решениям стал А. Г. Семовских, исключительно активный главный инженер проектов по блюмингам, на протяжении долгих лет проводивший через Корякина свою техническую политику. Главный рычаг в ней – неумеренная страсть к мелким переделкам, переделкам ради рацпредложений и изобретений, при сохранении традиционных устаревших решений в принципиальной части. Основным минусом деятельности этого дуэта явилось то, что отрасль горячей

прокатки была пущена на самотек, а «творческая» работа сосредоточилась на одних блюмингах.

Все это мне не нравилось давно, когда я еще возглавлял группу главных инженеров проекта. Тогда я имел возможность при поддержке Химича как-то воздействовать на эту ситуацию хотя бы в чисто техническом плане.

В 77-м году я был назначен зам. главного конструктора по общим вопросам, вынужден заняться другими проблемами, а горячая прокатка оказалась без должного оппонирования в руках названных главных блюмингистов. И пошло расцветать как раз то, что не соответствовало, во-первых, моим взглядам, предопределенным широчайшим к тому времени внедрением непрерывной разливки, и, во-вторых, моему опыту по унификации многочисленных общих узлов и отдельных машин, по которым я располагал собственным багажом проверенных длительной практикой оптимизации конструкторских решений, плохих разве только одним – их несоответствием «вкусам» Анатолия Георгиевича и Константина Варфоломеевича.

Началась такая же, как у Леонида, война. Сначала на уровне технических советов и технических разных собраний, затем с привлечением профсоюзной и партийной общественности, а потом и высших инстанций. Исход кампании был очевиден для меня и главного конструктора Б. Я. Орлова, как говорится, с первых запущенных противостоящими сторонами стрел. Определялся он большей объективностью и более разносторонней нашей практикой, более сильной аргументацией нами предлагаемого, большим опытом в технической борьбе, поддержкой наиболее сильных и опытных специалистов, во всяком случае «более» тех, кто оказался в команде противостоящей, наконец, тем немаловажным фактором, что вытекал из нашего с Орловым начальнического положения. Все делалось так, как представлялось правильным нам, но равно столь же неправильным – Семовских и Корякину.

Исключая какие-либо чисто технические проблемы, этот спор, главным образом между мной и Семовских, в целом ничем не отличался от спора между Нисковских и Быковым. У нас он закончился полностью тем, что, будучи уже в возрасте, наши «противники» ушли на пенсию. У них же – тем, что молодой, сохранивший и силу, и энтузиазм Леонид, почувствовав поражение или по иным мотивам, воспользовавшись наступившей «свободой», для начала организовал в Уральском регионе «Творческий союз изобретателей». Затем, одним из первых, быстро преобразовал его в коммерческую фирму под тем же названием, открыл свой банковский счет и начал зарабатывать деньги в качестве посредника – работодателя. При этом, насколько я знаю, стал не только кредитовать своих бывших противников, но иногда и прямо фи-

нансировать отдельные их «мероприятия». Помог вот и мне в издании книги, привлекал много раз к своей работе для выполнения отдельных заданий и проектов после моего выхода на пенсию.

Так полезен ли спор? Конечно, даже если он становится столь уродливым. КПД такового, безусловно, ниже, но какая-то польза все же есть. Была у нас. Была и у непрерывщиков, если иметь в виду результаты, а не процедуры их получения. Что касается взаимоотношений, то они, в отличие от политиков, сохранились и тут и там, как мне кажется, при взаимном друг к другу уважении. Лично сам я провожал на пенсию очень тепло и Семовских, и Корякина. Поддерживал с ними добрые отношения и после. Хотя в этой последней части моих выводов, может быть, я не прав, может, это не свойственно всем, а только похожим по природному складу характера на меня.

06.02

Сегодня Юлия Лагунова, дочь Третьякова, работающая у нас в Горном институте, передала мне книгу И. И. Блехмана «Вибрационная механика» с дарственной, почти царской, авторской надписью и короткую записку с благодарностью за мою, которую я пару недель назад переслал ему через Муйземнека. Перед отъездом Муйземнек позвонил мне.

– Я, – говорит, – собираюсь в Питер, в «Механобр». Там работает отличный мужик Блехман, мне хотелось бы передать ему твои «Заметки». Не можешь ли ты оказать такую услугу?

– Могу, – отвечаю я, заранее предвкушая впечатлительность своего розыгрыша по поводу столь вежливой его просьбы.

Прихожу к нему, вручаю книжку.

– Слушай, а не напишешь ли ты что-нибудь? – с некоторой долей смущения обращается он ко мне.

– Почему не написать, – с большим удовольствием это сделаю. Как его отчество? Что-то я забыл... А, впрочем, напишу просто «Илья», – произношу я, – не прерываясь и не давая Муйземнеку вставить слово.

На морде его проступает удивление. И когда оно достигает предела, после паузы продолжаю:

– Я с ним знаком... Больше – знаю его как облупленного... с 45 года, а точнее, с дня первого вступительного экзамена в УПИ.

Оба смеемся.

Ильей я был очарован с того дня, когда мы оказались рядом сидящими на экзамене по математике. А если быть совсем точным, с момента, когда, заглянув в его листок, я увидел нестандартное решение одной из доставшихся ему задач (с ними мы взаимно ознакомились сразу по получении билетов), которое мне здорово понравилось еще и своей исключительной, в моем представлении, простотой. Может быть, такую оценку я сделал не сразу, а после экзамена, а может, и позднее, когда Блехман стал для меня совсем кумиром. Такой талантливости человека я больше не встречал ни разу.

Он заглывал любую информацию, как современный компьютер с диска, но только с неизменным и быстрым преобразованием ее в некий свой оригинальный информпродукт. Причем казалось – равно успешно во всех областях, будь то математика, логика или марксизм. Так же красиво его и выдавал. Особо впечатлительны на фоне преподавательской казенщины бывали его выступления на занятиях по ОМЛ. То был единственный предмет, где он прилагал некоторые усилия, чтобы донести до слушателей какой-нибудь очередной политидиотизм с авторской издевкой по его сути и смыслу, но безупречный по форме и набору общепринятых признаков и трафаретных фраз. Подкопаться формально было невозможно, и преподаватель себя защищал так же хитро – тем, что за блистательный в наших глазах доклад ставил Блехману тройку, в лучшем случае четверку: надо полагать, за «неполное понимание» им марксистских истин. Иногда этому предшествовало обобщающее выступление преподавателя. Как правило, оно заканчивалось для последнего плачевно, поскольку тут же следовали «каверзные» вопросы, отвечать на которые можно было только мямля что-нибудь неопределенное либо неся несусветную чушь.

После первой зимней сессии нас с Блехманом оделили бесплатными путевками, и мы поехали с ним в большой компании студентов всех институтов города в только открытый Шишимский дом отдыха -бывшую дачу первого секретаря обкома Кабакова, расположенную в живописнейшем уголке Урала, на высоком берегу притока Чусовой -Шишимки.

В порядке отступления. Именно там, в «Шишимке», мы пришли с ним к выводу, что сталинские расправы, по крайней мере с известными большими людьми, по делу не совсем бесосновательны. Измена и шпионаж – лишь режиссерский антураж. Полное забвение ими, чуть ли не немедленно, после революции главных ее лозунгов – вот что было основанием для казни большинства из них, ибо все они были устроены в стране одинаково. Вершился своеобразный Соломонов суд.

В том же кабаковском особняке, например, имелся конный двор на десяток, а то и более лошадей. Под навесом мы обнаружили до двадцати превосходных конных санок, которые, надо полагать, использовались для доставки гостей на дачу с местной железнодорожной станции Коуровка. Пол банкетного зала был сделан для «монументальности» из брусьев сечением 50х150 мм, поставленных на ребро. Огромный лесной парк – из вековых сосен и лиственниц, наверняка в то время огороженный и недоступный для обычного люда. И это тогда, когда в стране были карточки, а добрая половина населения жила в бараках. Невольно задумаешься о праведном суде. Не потому ли, не из чувства ли своеобразной мести, мы в несколько дней разломали все санки, катаясь на них с одной из тех горок, на которых развлекались гости в середине 30-х годов.

Все десять дней мы провели тогда с Блехманом в непрерывных беседах на разные технические и философские темы.

Весной 46 года, сдав экзамены за второй семестр, Илья объявил, что уезжает в Ленинград. На наш вопрос «Зачем?» последовало: «Хочу учиться не по учебникам Лойцанского и Лурье, а у них самих». Сказано было настолько просто, насколько просто он делал – все остальное, – с полным и уверенным осознанием своего будущего.

12.02

Получил письмо Андрея Владимировича с «отчетом» о проделанной им по моему «заданию» работе. Так, с моей январской бандероли и этого письма, началась моя переписка с Третьяковым.

Поскольку он в своем письме со свойственным ему юмором мою просьбу перевел в ранг задания, я не мог не ответить ему в том же духе.

«Доктору технических наук А. В. Третьякову
109542, Москва, Рязанский проспект, 74, кв. 86
Дорогой Андрей Владимирович!

Прежде всего, разреши выразить признательность за четкое выполнение задания и безупречный отчет о проделанной работе. Честь тебе и слава! Родина и я не забудут твоего самоотверженного труда!

Попутно хотел бы задать тебе один вопрос. Ты не залазил под стол от смеха, когда писал Цалюку о его опусе и присвоении ему академика, а Мурзиной – доктора и давал совет сочинять подобное с обязательной ссылкой на использованные научные труды? Мне это хотелось бы узнать из чисто спортивного интереса и утвердиться в собственном впечатлении от вполне «серьезного» письма – ответа Цалюка на данную реплику. Особенно после того, как я вспомнил о журнале, кажется «Свиноводство», на который ты в веселые времена подписался от имени В. Терентьева.

Пока всё. Привет супружнице и тем, кого я знаю и кому он может быть приятен. Бывай здоров».

15.02

На днях получил еще одно – первое письмо от М. И. Гриншпуна. «Дорогой Володя! Спасибо за книгу! Удачно сложилось: получил ее на каникулы, так что смог прочитать не по «диагонали», а «с чувством,

с толком, с расстановкой». Очень интересный, оригинальный и умный труд, особенно значительна, на мой взгляд, вторая часть – философская (дневниковая). Конечно, что-то хотелось у тебя уточнить, о чем-то поспорить, но, к сожалению, по-настоящему это возможно только при личной встрече, которая теперь уже вряд ли состоится когда-нибудь.

В данное время меня очень занимает проблема управления (чисто теоретически, практически я даже в собственной семье лишен управленческих функций). По-моему, в этом вопросе ты недостаточно последователен (или недостаточно ясен). Ты за «естественный ход жизни», и для оптимального ее течения нужно только слегка ее подправлять». Но как это: «слегка подправлять»? Значит все-таки управлять? С умом, в согласии «со здравым смыслом», но управлять! То есть обладать властными функциями и, например, при необходимости иметь право снять негодного руководителя с работы. Мои оппоненты говорят: «Да, заводом управлять можно и нужно, но вот уже отраслю, а тем более всем народным хозяйством, нельзя, вступает в силу «предел Ляпунова»». Я же считаю, что при нынешнем развитии математики, информатики, теорий вероятностей, вариационных исчислений, статистики, кибернетики, вычислительной техники и всего пр. современное народное хозяйство поддается научному управлению.

Другое дело – как организовать это управление? На этот вопрос я у тебя ответа не нашел; сам же я ничего, кроме Госплана, Госснаба и министерств, придумать не могу... впрочем, может быть, для тебя это слишком частный вопрос. Или, может быть, когда я перелистаю твою книгу еще раз (а это, вероятнее всего, будет летом), все предстанет передо мной совсем в ином свете?

Еще раз – спасибо!

P.S. Подумать только: мы были знакомы, когда жили на Эльмаше и я перешел из второго в третий класс».

Безупречное по грамотности (вплоть до всех знаков препинания) и содержанию письмо. Мой ответ ему.

«Марк, здравствуй! Умница ты как был в моих глазах, так и остаешься. Послание твое превосходно: не добавить, не изменить: всё схвачено и оговорено. Разве не изумительно относительно управления – «ты недостаточно последователен (или недостаточно ясен)», или «меня очень занимают проблемы управления (чисто теоретически, практически я даже в собственной семье лишен управленческих функций)», или «на этот вопрос я у тебя ответа не нашел; сам же ничего кроме Госплана, Госснаба и министерств придумать не могу...». А чего стоит лирическая приписка о нашем более чем 60-летнем зна-комстве – чудо! Редко в своей жизни приходится слышать и читать что-либо ровно в таком виде, как тебе хочется, как тебе мыслится.

Помню, был у нас, ныне покойный, доктор С. Карлинский (может тебе известный), который обладал удивительной способностью отвечать на любой заданный ему вопрос (без каких-либо на то предварительных оговорок) точно в таком виде, как только тебе и надо. Целой же куче его коллег приходилось специально выписывать желаемую форму и содержание ответа на свое задание и тем не менее, даже если последнее было в рамках традиционных, получать требуемое в некорректном виде. Затем звонить, выяснять, уточнять, а то и заставлять переписывать. Это в порядке отступления.

А теперь об «управлении», коль скоро ты за него зацепился. С учетом у меня приведенного было бы просто смешным, если бы я взялся за составление рецептов по его организации. Этого я не знаю и думаю, их не знает и никто другой, во всяком случае, не знаешь и ты. А потому твоя реплика о научном управлении, да еще к тому же современным хозяйством, есть та глупость, которой одно время вполне «успешно» занимался академик Глушков, пропагандируя централизованное изготовление в стране всех гаек и болтов и рассылку их потребите-

лям в нужном сортаменте и количестве по спецификации Госплана. Занимался он, кажется, и рациональной развозкой песка по стройкам Москвы во времена, когда шоферня, в зависимости от обстоятельств, либо накручивала километраж, либо сливала бензин в канаву.

Качественное управление есть функция общей культуры общества, качественной инфраструктуры. Последнее необходимо даже для самых очевидных и сугубо конкретных организационных мероприятий. Разве тебе непонятна недопустимость у нас приватизации заведомо монопольных отраслей вроде нефтегазовой, энергетической, угольной? А ведь провели, протасили. Что, в интересах народного хозяйства? От живота, от жадности десятка головорезов, от жажды укрепиться во власти. А разодрали Союз? Разве то признак высокой культуры авторов данного раздрая?

Ты мечтаешь о научном, по теории вероятности и прочим наукам, управлении, а «практичные» люди думают, как бы урвать побольше кусок от ничейного имущества. Потому, думаю, ты правильно решил перечитать еще раз мою книжку. Мне кажется, в ней на полста страничках вся философия жизни .

Спасибо за письмо и за добрые в нем слова. Большие приветы супруге и Вернику».

25.03

Письмо от Третьякова.

«По книге Цалюка. Я честно и по-товарищески написал свое впечатление и для более ясного понимания разбавил свои комментарии юмором. К сожалению, он понял не все мои замечания. Ну, а Терен-тьева я очень любил, считал его «пролетарием умственного труда», вместе смеялись, он трезво все оценивал, поражал способностью все «впитывать», как губка. А журнал «Свиноводство» я действительно ему выписал на год, когда он меня чем-то обидел, сейчас не помню чем. Однако на 11-м номере я ему сознался и предъявил квитанцию. Реакция была, как в «Ревизоре» Гоголя! Хорошие были времена. Жаль, что он рано ушел из жизни. С дружеским приветом».

29.03

Ответ Блехману на его записку.

«Илья, привет! Признателен за слова и за книжку, которую тут же просмотрел с гордостью за тебя. Разобрался в ней только на уровне постановки задач и результатов. Что касается решений, то на них у меня, признаюсь, не хватает ума. Особо мне нравятся (кое-что попадалось в руки и ранее) твои, прямо скажем, талантливо написанные лирические отступления. Я даже подумывал, а не попросить ли тебя попробовать написать что-нибудь в популярном виде, ведь определенно есть способности. Подумай. Уверен, я буду первым благодарным читателем».

30.03

Дня два назад позвонил Э. Гарбер из Череповца и попросил выслать книжку, сказал, что в ее специальной части нашел много полезного для себя и своих студентов, что она ему нужна для работы.

04.04

Вчера умерла мама. Будучи моложе отца на четыре года, она пережила его на шесть лет и сохранила почти до самого конца своей жизни здравый ум, а за год до смерти, в свои 90 лет, пекла еще отличные пироги и прочую стряпню. Болела она месяца два, и только последний месяц страшно мучилась с ногами, которые покрылись у нее какими-то мокрыми волдырями, так что мне пришлось непрерывно, чуть не каждый час, их завертывать в сухие тряпки. Ничего не помогало, как вдруг развертываю ее в очередной раз и обнаруживаю – ноги совсем сухие, в коростах, но сухие. Удивился и обрадовался, а через два часа она скончалась.

Года два-три назад я успел упросить ее рассказать мне о наших предках и вот что от нее услышал.

Прадед мамы по отцовской линии Марк появился в деревне Яр (в 40 км от Томска, вверх по Томи) году в 1860. С ним были жена Анна и дети: Илья, Прохор, Николай, Яков и две

дочери. Откуда они прибыли, где до сего жили – никто не знал, однако помнили, что прадед был страшно беден и сначала поселился на берегу реки в старой бане. Русского языка ни Марк, ни Анна совершенно не знали. Вскоре после приезда их сын Яков неожиданно исчез, а остальные три брата быстро крестились и поженились на трех простых деревенских девках: Матрене, Акулине и Вере.

Илья, видимо начав с лодки, занялся перевозом через Томь – достаточно прибыльным делом, т. к. на противоположном берегу было волостное село Варюхино. В 1890 году вместе с братом он переключился на перегон скота в Томск. Когда в 1915 году Илья умирал, то у него, говорили, был капитал тысяч в тридцать, а задолго до этого, в 1890 году, на собранные по его инициативе деньги в Яру была построена церковь.

У Ильи родился только один сын Иосиф, который умер младенцем. Оставшись без ребенка, Илья стал погуливать. Дошло до того, что Матрена, по слухам, однажды его напоила каким-то зельем и чуть не отправила на тот свет.

Проخور, наоборот, со своей Акулиной были весьма плодовиты и одного за другим произвели на свет 7 сыновей и одну дочь. Этот второй – дед моей мамы – и отдал своего сына Якова на воспитание Илье, который его усыновил в трехлетнем возрасте. Илья, добряк по природе, кроме моего деда воспитал еще троих племянников и трех племянниц, оставшихся сиротами после смерти одной из его сестер.

В 90-х годах у Ильи и Прохора в одной ограде стояло два больших дома. Кроме извоза, а потом и конного паромы через Томь, они имели вроде как общее хозяйство. Несколько лошадей, пару коров и другую живность. Илья держал рысака и будто ездил на нем до Томска чуть ли не за два часа.

14 мая 1890 года А. П. Чехов при поездке на Сахалин останавливался у выкреста Ильи Марковича, которого, как он писал, «мужики боготворят здесь». Ночевали они вместе с каким-то заседателем и пили добрую наливку.

По другой линии прабабка моей мамы Настасья Герасимовна вышла замуж за Степана Солдатового в деревне Асанова и через полгода овдовела, ее сын Яков стал вторым дедом моей мамы. Моя бабка Раиса Яковлевна родилась у него в 79-м году. Двор у Якова был богатый: одних лошадей целый обоз. Летом занимались сельским хозяйством. Зимой брали подряд у томских купцов. Ездили в Иркутск с чаем, сахаром. Обратное – с пушниной. В конце прошлого столетия случился голод кормить лошадей стало нечем, пришлось их по дешевке продать. Яков с горя заболел и сошел с ума.

У прадеда по данной материнской линии было четыре сестры и младший брат Петр, погибший во время войны. (Тут, может, я чего-нибудь перепутал при записи, и речь, возможно, шла о сестрах и брате моей бабушки.)

Бабушка Раиса и дед Яков (почему-то среди моих предков были сплошь Яковы, может быть, в честь первого, потерявшегося) были не менее плодовиты и родили 9 детей. Трое из них умерли в малолетстве, одна в подростковом возрасте, а остальные (Иосиф, Нюра, Анастасия, Фатя и Александр) дожили более или менее до преклонного возраста. Дед Яков, рассказывала еще бабушка, якшался с томскими купцами и сам занимался торговлей, перед революцией перегонял с востока скот, продал его выгодно в Томске, а назавтра буквально остался ни с чем. Погулять он был не дурак, как и его приемный отец Илья. Умер он по теперешним понятиям совсем молодым в 30-е годы и похоронен здесь, в Екатеринбурге. Бабушка дожила до 1952 года и успела даже повидать нашего первенца и ее первого правнука Сашу, который родился в 51 году.

Мой дед по отцу Иван Иванович родился в 1860 году в деревне Колмогорово на Томи, в 40 км от Кемерово. Колмогорово стояло на ямской дороге Щегловск (Кемерово) – Томск, со станциями и ямщиками. В начале этого столетия он работал мастером по лафетам в Хабаровском артскладе, а бабушка Екатерина Михайловна, родом из деревни Тайменки, во время его

службы занималась стиркой белья. Семья, как и первой бабушки, – также 9 детей. Отец мой был у них последним и потому своих дедов и бабок не помнил, но по каким-то слухам вроде они относились тоже к переселенцам из центральной России. Дед Иван был беспокойной натурой. После увольнения со службы (военной) работал заготовителем продуктов на строительстве железной дороги, затем писарем. Одно время – депутатом местных волостных каких-то органов. Жил в Тайге, Литвиново, Томске. В конце концов от семьи уехал и даже, будто из-за связи с политическими, сменил фамилию на Чердынцева. Бабка, оставшись одна с 7-ю детьми (двое умерли), занялась хозяйством, завела лавочку, начав с выпечки хлеба для строителей. Торговлю расширила, торговала продуктами и отдельными промтоварами. Умерла она в 20-м году от сыпного тифа. Дед прожил до 36-го года. Сам я его видел в Тайге лет 4-х и позже в Свердловске за два года до смерти. Отец после ухода из семьи деда воспитывался с 13-ти лет у старшей сестры Клавды и был на него в большой обиде, сохранившейся на всю жизнь.

Закончив высше-начальное железнодорожное училище, он начал трудовую деятельность в 17 лет учителем. Был мобилизован на первую при советской власти перепись населения. До 23-го года работал в ликбезе. В армии учился на счетно-экономических курсах Омского Гуппрофа. После демобилизации оказался в Новосибирском пароходстве. Не понравилось. Поехал в Литвиново к брату Ивану. Женился там и начал работать техником в Белово на развитии Беловского узла Коль-чугинской железной дороги. Там родился у них я, а в 30-м году, когда на свет появился брат Леонид, отец работал уже в Яшкино начальником планового отдела треста «Красный строитель». Отец, как и дед, был мужиком непоседливым и достаточно обидчивым. Работу он менял бесчисленное количество раз по малейшему спору с начальством. В 32-м мы уже жили в Каменске-Уральском, а в 33-м – в Свердловске. Здесь он поработал, наверное, местах в 10-ти, а в 35 – 36 годах даже выезжал временно снова в Каменске-Уральский на строительство алюминиевого завода. В 41-м ушел на войну. В 42-м попал при окружении в плен и вернулся домой уже в конце 45-го. Опять служба на нескольких предприятиях, и только перед выходом на пенсию он остепенился и проработал на одном месте – заводе № 4 по производству башенных кранов – лет 15. Умер в 91-м в возрасте 89 лет.

В отличие от деда, отец был безупречным и заботливым семьянином. Жили во времена нашего детства, как все, достаточно бедно, ели суп да кашу. Регулярно изо дня в день, из месяца в месяц покупалось два килограмма хлеба (по килограмму черного и белого) и два литра молока, иногда какая-нибудь дешевая рыба. Но зато в воскресные (тогда еще просто выходные) дни отец рано утром, когда все спали, уезжал на базар, привозил парного мяса, и мать к обеду пекла вкуснейшие, никем пока для меня лично не превзойденные мясные скорородные пирожки. Праздники для отца были уже совсем святыми. Стол был всегда на высочайшем уровне. Приглашенные, в отличие от теперешних времен, – практически одни родственники. Рассказывая об отце, не могу не упомянуть его исключительную терпимость в деле воспитания детей. В этом он был на уровне превосходнейшего учителя. Никогда не кричал, не возмущался по поводу наших проступков и упущений и одновременно умел без умиления оценить и гордиться всем, что в его глазах было разумным и полезным. Однако к старости он сдал, как бы устав от такого самозабвенного служения семье, стал злым ненавистником всего и всех и обрел способность завидовать даже нашим, его детей, успехам.

Сейчас из потомков этих людей в Екатеринбурге проживают: Юрий и Ирина – дети тети Фаты (ее муж – Викторин Павлович Новоселов, бывший директор библиотеки УПИ); Олег и Лида – дети дяди Шуры от первого брака. Из оставшихся в Сибири я лично знаком был только с сестрой Верой, дочерью тети Нюры. Знал еще когда-то давно двух дочерей дяди Оси, единственного из предков, кто получил законченное высшее образование. В 30-е годы он был известным строителем города Свердловска времен конструктивизма и в то время жил со своей семьей в доме напротив Центрального почтамта. В 37-м году, в связи с болезнью старшей дочери, перевелся на работу в Ростов. Но там вскоре был мобилизован в качестве военного

инженера и направлен на строительство западных укрепсооружений, а после войны обосновался в Калининграде.

Между прочим, будучи на похоронах бабушки в 52-м году, настойчиво уговаривал меня перейти на военную инженерную службу... но, как оказалось, безуспешно. Там после его смерти и остались его дочери Галя и Нина, о судьбе которых я ничего не знаю.

06.04

Муйземнек собрался в Москву. Договорился с ним и подготовил письмо для Третьякова. «Андрей Владимирович!

Посылаю тебе маленький презент. Переправить его взялся Муй-земнек. Прошу оказать услугу и передать книжку Сеницкому и Гарберу. Кроме того, поскольку у тебя там установилась очередь, посылаю еще пару экземпляров лично тебе для упомянутых в последнем письме других очередников, дабы они не зачитали твой драгоценный дарственный. Можешь с ними (книжками) поступить по своему усмотрению.

Письмо твое пробудило аналогичные воспоминания. Какие хорошие и веселые времена! Какие люди! А скольких нет? Павлов, Кра-узе, Целиков, Химич... Да ведь и другие, может, менее масштабные, но тоже черт знает какие все личности. Липатов, Соколовский, Манкевич, Валугин, Варакин, Антонов... А наши экспромтные вечера у тебя после разных казенно-формальных мероприятий? А твой предотпуск-ной спирт, который был дорог тем, что растягивался нами почти на весь поход, поскольку пился только по особо значимым случаям малыми дозами и всякий раз с памятью о его хозяине».

Написал письмо, а тут звонит Юра и сообщает об отмене командировки.

08.04

Вчера умерла наша собачка Алька, для меня Ушастик, так мной прозванную за большие стоящие уже в месячном возрасте уши. Собачку эту привезла из Москвы Галя. До Альки у нас был несколько лет дог по кличке Дюк, которого также притащила домой Галина. Я тогда был молодой и любил в одиночку совершать походы, пешие летом и лыжные зимой. Дюк оказался моим отличным молчаливым попутчиком, признал меня за эти походы моментально главным хозяином, но любил и слушался всех остальных членов семьи.

Пес был умнейший. Телевизор смотрел, сидя в кресле, не касаясь пола задними ногами, а передние при этом держал на коленях задних ног. Неравнодушен был к музыке, а при утреннем по радио исполнении гимна обязательно, вне какого-либо на то исключения, подпевал сам. Часто улыбался по малейшему приятному для него поводу и без всяких на то просьб и команд, а вроде как по собственному эмоциональному настрою.

На лыжне с полуметровой палкой в зубах определял расстояние между соснами с точностью до 100 мм. Если расстояние между ними было более 600 мм, он шел по лыжне, если меньше – сходил с лыжни и по снегу обходил одну из сосен – или правую, или левую, и также всегда с учетом возможного препятствия (кустов или еще одного рядом стоящего дерева). В некоторой растерянности он оказывался, когда приходилось обходить большое препятствие. Тогда, после некоторого раздумья, он мог принять не совсем оптимальный вариант, требующий большей величины схода с лыжни. Однако бежать по глубокому снегу он считал глупейшим для себя занятием и на лыжню возвращался немедленно, как только это в его собачьей оценке можно было сделать.

Обучался он всему ему «нужному» и для него «полезному», равно как и от него требуемому, буквально с одного на то «урока». Любых гостей, знакомых и незнакомых, он встречал с абсолютно одинаковым радушием, адекватным хозяйскому. Чтобы закусить вкусненьким, он залазил тихо под стол одновременно с усаживающимися за него гостями. Брал из их рук кусочки с такой осторожностью, с такой вежливостью, что я никогда не видел, чтобы кто-либо из них хотя бы раз непроизвольно отдернул свою руку, разве лишь по первости, может, спрашивал у соседа или соседки о степени безопасности такового своего возможного действия.

Тапочки он приносил точно те, какие его просили, а если ошибался, то извинительно относил их обратно и приносил другие.

Но больше всего он меня умилил тем, что буквально со второго моего возвращения из командировки самолетом он при каждой очередной встрече лез ко мне во внутренний правый карман пиджака за самолетной конфеткой, для того мной сохраняемой. Однако никогда не делал подобного, если я возвращался из командировки поездом или машиной. Запаха конфетки во внутреннем кармане пиджака он, думаю, не ощущал, поскольку последний был забит более сильным запахом одежды. А вот самолетный мог уловить, но мне казалось, что наличие конфетки он связывал с какими-то косвенными признаками: временем возвращения, моим настроением, предшествующим возвращению телефонным звонком и величиной интервала между ним и моим появлением, информацией, полученной по сему случаю от кого-либо из членов семьи, из разговоров и упоминания моего имени. Все наши имена он знал прекрасно.

Еще один пример на тему быстрого чему-либо обучения, аналитических его способностей и необыкновенной сообразительности. В щенячьем возрасте он любил приходить в нашу с Галей комнату рано утром и забираться к нам в постель. В три месяца я решил его отучить от этой пагубной привычки и заставить открывать дверь только со звонком будильника и не лазить в постель. Открывать дверь по звонку я научил в один прием, вытащив его пару раз за дверь. На следующий день он упорно ждал под дверью и открыл ее сам только по звонку. А вот отучить его от постели мы не смогли не по его непонятливости, а только по нашему нежеланию лишиться себя дополнительного десятиминутного удовольствия от удивившей нас хитрости. Для того даже перевели стрелку будильника на 10 минут для более раннего его звонка. Что нельзя лазить в постель, он понял также с первого же его мною принудительного удаления с нее. Но на следующий день он придумал блестящий прием. Тихо открыл дверь по звонку, почти радужно вошел в комнату и улегся около нашей кровати, показав как бы нам полное понимание того, чего мы хотели и чему его вчера обучили. Однако через пару минут он положил на край кровати одну лапу, затем, выждав немного, – вторую. Мы стали ждать. Дальше опять, с выдержкой после каждой подвижки, в четыре приема попеременно засунул передние лапы под одеяло полностью, выждав снова, втащил туда наполовину свое туловище, затем все его до задних ног, наконец минут через пять после начала этой программной операции залез на кровать полностью. Не уступить ему было выше наших сил. Прекратил он лазить в постель сам, точно так, как это по достижении определенного возраста делает любой нормальный ребенок. И делает это, к нашему сожалению, порой много раньше, чем нам бы хотелось.

Столь же нестандартно он проявлял свои природные охранные способности, которым, естественно, никто его не обучал и к которым не призывал. Он впускал в квартиру без хозяев любого человека. Впускал вежливо, разрешал по ней ему ходить, сидеть, рассматривать и брать чего-либо в руки, но из квартиры не выпускал, причем опять же без видимых угроз, просто усаживаясь пред входной дверью. Даже мой отец, как-то открыв дверь своим ключом, вынужден был в ожидании меня просидеть с ним пару часов. Мы пришли к выводу, что, по крайней мере, его он не выпускал по чисто этическим соображениям: «Как это, дескать, уйти, не представившись сыну и не поговорив с ним». Мне казалось, что по отношению к чужим людям он руководствовался примерно такими же соображениями: настолько был напроочь лишен какой-либо агрессивности.

Нюх, по моим представлениям был, у Дюка средний. Обратную дорогу домой он находил по каким-то опять своим собственным признакам, по общему изменению окружающей среды, нарастающим запахам и шумам города. Поэтому шел домой, как по компасу, прямо, минуя лесные тропы и дорожки. Когда же упирались в какое-нибудь препятствие, болото, трудно проходимую чащобу, то после их обхода, теперь под моим воздействием и новой ему команды: «Домой!», опять брал прямой курс, но с поправкой на величину предшествующего отклонения.

Освоенный им словарный, вещественный и всякий иной информационный запас был огромен. Понимал отлично обычный, не командный, язык. Зимой, к примеру, мог точно установить, что я иду на лыжах, по совокупности признаков зимнего выходного дня (о них он знал с раннего утра) и брошенной мною жене, между прочим, фразы: «Ну, мы, пожалуй, пойдем». Аналогично практически безошибочно определял предстоящую пешую или велосипедную прогулку летом или мое желание пойти в гараж за машиной. При этом столь же точно устанавливал, будет он взят или нет, а если понимал, что нет, то очень редко унижался и никогда не демонстрировал открыто свое сокровенное желание. Зря по-собачьи не суетился, даже при малейших на то сомнениях, и прямо проявлял интерес, только окончательно убедившись в том, что он, по его понятиям, будет удовлетворен. Был горд, независим и не терпел никаких унижающих его достоинство поступков, даже с моей стороны. Ребят, которые были тогда еще школьного возраста, к нему пристающих сверх, по его разумению, меры, он предупреждал ворчанием многократно, но если они его игнорировали, назидательно кусал насильника. Вид его после случившегося был изумительный: и глаза, и поза, и все остальное говорили о том, что иначе он поступить не мог: он предупреждал, он так просил...

В шесть лет он попал под машину, ничего не переломал у себя, но, либо от испуга, либо от возможного удара головой, своей задумчивостью и каким-то ненормальным взглядом своих глаз, неадекватной реакцией на обращения к нему стал моих домочадцев пугать. Врачи признали у него нечто вроде тихого помешательства и посоветовали его усыпить. Если бы я знал, как это у нас делается?!

Возвращаюсь к Альке. Вид ее был привлекательный: коричневого окраса с переходами от светлого до темного и отдельными почти черными полосами и даже отдельными черными волосками, при абсолютно симметричном их размещении на туловище, голове и лапах. Ни одного самого малейшего отклонения. Два черных волоска на правом ухе и два точно таких же и точно в том же месте – на левом. Темное

пятно из нескольких волосков на одной лапе и точно такое и в том же месте – на другой, полоски на правом боку и такие же, тем же числом и размерами – на левом. Глаза и кончик носа черные, живот поджарый, соски щенячьи до самой старости, несмотря на то что дважды рожала и заботливо выкармливала свое потомство.

Нрава была невиданно беспокойного. Без движения вне дома ни одного мгновения. Иду или стою, она вокруг меня как вьюн. В трамвае, троллейбусе постоянная беготня по салону из одного конца в другой либо из простого любопытства, либо в поисках знакомых. Их она, кажется, знала всех, с кем хоть раз бы мы встречались, причем каждому знакомому искренне радовалась. Узнавала только на близком расстоянии и потому явно расстраивалась, когда, подбежав, обнаруживала ошибку.

Привязана ко мне была до самозабвения, 5 – 10 метров – максимальное удаление, которое она могла себе позволить даже при длительной прогулке. По той же причине в воду за мной бросалась немедленно при любой погоде, начиная с полуторамесячного возраста. Тогда же она разделила всю одежду, обувь и прочие предметы на «наши» с ней и «не наши». Последние ей, как говорят, были до лампочки. Наши, особенно мои, были священны, и она никому из домашних не позволяла к ним не только прикасаться, но даже подходить близко. К особо охраняемым относились походные вещи. Туда, за дверь, где они висели, она бежала немедленно, как только устанавливала факт чьей-либо попытки к ним приблизиться. В крайнем случае отслеживала движение в их направлении и прекращала его, лишь убедившись доподлинно в предвзятости своих ожиданий. Однако вне дома, если я и наши вещи разделялись, то она оставляла их и бросалась за мной, как за объектом более для нее важным.

Любопытно было наблюдать за ее поведением по случаю какого-либо ее собачьего прощупка. При малейшем сигнале о твоей ею неудовлетворенности, который она порой и улавливала-то лишь благодаря чисто собачьей чуткости, забиралась под диван или кровать и тихо там

сидела, несмотря ни на какие уговоры. Вылазила она оттуда лишь после того, как по той же собачьей способности доподлинно устанавливала, что ты окончательно и бесповоротно перешел в миролюбивое состояние, настроен на всепрощение, умиление ее понятливостью и даже готов ее приласкать, погладить и, может, лишь слегка при этом пожурить.

Мои многократные попытки приказать Альке что-либо против ее «настроя» оказывались безуспешными: выдержки ей хватало на три минуты, не больше, исключая разве упомянутое сидение под диваном. Она была абсолютно необучаемой собакой, знала только то, что было в ней от природы. Лезла, например, ко всем незнакомым людям, но стоило человеку протянуть к ней руку самому, как немедля скалила зубы. Прекращала скалиться и рычать только по моему непрерывному напоминанию ей о недопустимости подобного поведения. Стоило мне остановить свои угрозы, тут же начинались ее. Не признавала команд, отданных ради команды, но зато всё, что по делу, выполняла точно и с большой понятливостью. Команду «остановиться» могла проигнорировать, если требование являлось следствием лишь одного моего пустого желания, и, наоборот, выполнить немедля, если это надо было сделать из-за какой-либо впереди опасности, ямы, идущей машины и т. д. Не мог ее отучить бросаться за мной в воду, охранять «наши вещи» дома, рычать при этом на домашних и, наоборот, приучить сидеть возле вещей вне дома, оставаться на месте при моем удалении, приносить хотя бы что-нибудь по моей просьбе.

Единственное, кажется, чему я ее обучил и очень быстро, так это отправлять свои физиологические потребности на постеленную мною для того клеенку на полу балкона. И то, думаю, только из-за собачьего ее желания не доставлять мне излишней заботы по ее каждодневному выводу на двор, а может, из осознания, что это не менее выгодно и удобно для нее самой.

В пятнадцать ее лет я почувствовал что-то с ней неладное и повел к ветеринару. Тот, осмотрев ее, задал неожиданный для меня вопрос:

– У вас в доме есть сердечники?

– Есть. Но какое это может иметь значение для собаки?

– Прямое. Собакам передается, и весьма часто. У вашей – большое сердце.

Боже, подумал я про себя, когда мы вышли из лечебницы: «Попробовал бы ты пожить в таком каждодневном стрессовом состоянии, постоянном ожидании: чтобы тебя взяли – не оставили, вернулись – не покинули, простили – не наказали, не «украли» нашу с ней тряпку...».

Проболела она месяц и умерла. Мы с женой в тот вечер сидели на кухне за столом. Алька была рядом, но чувствовала себя плохо, на мою просьбу поесть подошла к миске и, взяв маленький кусочек мяса, всем своим видом показала нам, что она больше не может, – хотела бы, но не может. Постояла чуть, вышла в коридор и спряталась за углом. Через пару минут я увидел ее там лежащей на боку... с отброшенными в сторону лапками.

В сравнении с Дюком она была просто дурой, ничему не училась, знала только то, что дано было ей прямо от природы. Но как же была мила этой своей полнейшей непосредственностью и какой-то самозабвенной преданностью. Одни сплошные от нее положительные эмоции. Даже умирая, постаралась не доставить нам о себе заботы, лишних переживаний. А как поступают порой люди по отношению к своим близким?

24.04

От Цалюка получил ответ на мое последнее критическое письмо только сегодня. В нем он наконец признал некорректность своих замечаний по книге, «подвел итог дискуссии» и выразил свое сожаление, «что поспешил с откликом, не вникнув настолько в суть, насколько этого требовала ситуация».

16.07

Только вчера, воспользовавшись заводским юбилеем (65 лет со дня пуска Уралмаша) и присутствием на нем В. М. Синицкого, передал через него для Третьякова с упомянутым выше письмом от 06.04 четыре книжки и бутылку Аксаковской водки. Вручил книжку и лично

самому Сеницкому. Передача состоялась у него в гостинице поздно ночью при участии Муйземнека, а следовательно, сопровождалась определенной долей хохмачества.

08.08

Сегодня пришло письмо от Третьякова.

«Спешу сообщить, что твой презент и 4 книги мне передал Сеницкий только 27.07. Большое спасибо. Был ужасно удивлен, откуда у тебя Аксаковская водка? Она ведь производится в Башкирии?! Для меня она имеет особое значение, т. к. Аксаков – мой дальний родственник по отцу. Пить ее буду только с хорошими людьми и очень небольшими, как вы когда-то мой спирт, дозами. Еще раз спасибо.

Книги подарю хорошим людям, тем, кто будет с пользой для дела читать твой труд и кому он действительно интересен и нужен.

Спасибо за письмо. Оно напомнило мне Павлова, Краузе, Липатова, Манкевича и др. Помню их дела, они помогают мне в жизни. А стихи Липатова я запомнил навсегда: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» (Конь – Химич, а лань – я) или еще «Кому живется весело, привольно на Руси? – Химичу, Башилову да Ваське Ворошилову». Это ведь сама классика!

Желаю всего наилучшего, привет от меня Нисковских, Муйзем-неку и всем остальным, кто меня помнит».

17.08

Мой ответ Третьякову.

«Твое письмо от 30.07 получил. Как и все предыдущие, с удовольствием прочитал. Есть что-то в них от прежнего дворянского духа, может, от твоего Аксакова. Кстати, про него мы давно были наслышаны, и наш презент явился прямым следствием знания твоей родословной. Доставить же его в наш город соизволил молодой бизнесмен, бывший наш сотрудник, Сережа Колмогоров (сын, вероятно, известного тебе Вадима). Он, поработав у нас весьма инициативно несколько лет и защитив кандидатскую, с перестройкой моментально уволился и занялся винной торговлей. Культурнейший парень и... торговец. Постепенно возвращаемся к старым временам.

Вчера пригласил Виталий. К встрече с ним восстановил сведения об Аксакове и специально заглянул в энциклопедию. Ему отведено достаточно места, и, главное, ты, судя по приведенным данным, действительно имеешь немало общих с ним черт. Я уж не говорю, а что было бы, живи ты в его времена. Мило с Виталием посидели, поговорили, по-стариковски повспоминали, в том числе пропели массу дифирамбов в твой адрес и, перечитав твое письмо, еще раз в адрес упомянутых Краузе, Липатова. О том, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» и что Химич – конь, а ты – бедная лань, мы как-то подзабыли и потому всласть посмеялись.

Наконец, последнее. Будь любезен, извести при случае о передаче двух моих книжек Гарберу. Он звонил мне и просил их у меня для работы. Бывай здоров. Всех тебе благ и доброго настроения».

21.10

Письмо от Третьякова.

«Я задержался с ответом по объективной причине: был отпускной период, и Гарбер у меня появился лишь 09.10. Передал ему 2 экз. твоей книги, а он вернул мне мой дарственный экземпляр. Кроме того, ранее я презентовал твою книгу завкафедрой технологии Московского строительного института, д.т.н., профессору Густаву Юрию Ивановичу (хороший мужик!). Он обещал после прочтения показать ее известному специалисту в области строительнотранспортных машин, д.т.н., профессору Волкову Дмитрию Павловичу (он учился со мной в ин-те, но на два года был старше), его хорошо знает Муйземнек, так что можешь спросить у него. Теперь у меня

остался один лишний экземпляр, но я его берегу для Волкова, если он очень заинтересуется, а если нет, то найду ему достойное место у кого-нибудь из других известных специалистов.

Таковы дела, но я не теряю надежды побывать у вас, посмотреть ваше метро и остана-ниться с друзьями-уральцами, которых я люблю. Короче, живу по Вольтеру:

Друзья! Вы рано приуныли! Доволен я своей судьбой. Одной ногой стою в могиле, Но резво дрыгаю другой.

Надо быть оптимистом, иначе в наш бурный век жить невозможно, и помнить, что «надежды юношей питают, отраду старцам придают».

Желаю тебе и твоим домочадцам всех благ, а главное, здоровья и хорошего бодрого настроения. С надеждой на встречу».

30.10

«Дорогой Андрей Владимирович!

Премного тебе благодарен за письмо, как всегда содержательное и душевное. Отвечаю на него с чистой совестью, не имея за пазухой очередных просьб, которые приносили мне определенные переживания и некоторую перед тобой неловкость.

Все твои приветы и добрые пожелания адресатам переданы и приняты ими, вполне здоровыми.

Пару дней назад похоронили Тасю – жену известного тебе Вениамина Шамина, давнего, с военных лет, друга Нисковских. Сам он скончался в декабре прошлого года, а она, в тоске и свалившихся на нее тут же семейных неурядицах, и года прожить не смогла. Сидели с Виталием опять в ностальгическом настроении. Уходят приятели, друзья. Стареем и так, и этак. Морда при бритье, когда в мыле и с надутыми щеками, вроде та же, а взглянешь где-нибудь случайно на себя, да упаси бог еще в полный рост и как бы со стороны, – мерзость: пузо торчит, ноги короткие, лицо красное с цветами побежалости, брыля висят и вообще никакой стройности и ничего радующего глаз. И, хотя я тоже подрыгиваю ногой и даже, в сравнении со многими сверстниками, вроде уж и не совсем плохо, все равно что-то от упомянутого состояния есть. Несчастливого письма, в том числе и от тебя, ждешь с несвойственным ранее нетерпением. Но, интересно, – ждешь, а самому писать лень, и только осознание того, что, может, там тоже ждут, и чувство долга обязывают тебя свершить сей труд. И это несмотря на то, что мы с Виталием вдарились в сочинительство: он сейчас чего-то набирает из своих воспоминаний, а я обдумываю нечто вроде галереи знакомых мне лиц – коротких заметок о том, что у меня связывается со словом Личность. Полагаю, что ты в ней займешь, естественно, свое достойное место. А так – скучновато, хотя и встречаемся довольно часто, а я даже прихватываю еще и на стороне.

В апреле похоронил маму, вечная ей память. Вожусь со своей Галей: не помню, писал ли тебе, что она лет пять как парализована, но, правда, перемещается по квартире, более или менее прилично выглядит, чего-то соображает и, главное, в таком состоянии обихаживает себя.

Вот и все. Бывай здоров; дрыгая одной ногой, не давай слишком далеко увязнуть другой, а еще лучше вытащи ее совсем. Мой привет кому положено и кому он может быть приятен. Я со своей стороны всех помню».

24.12

Очередное письмо от Третьякова.

«Рад поздравить тебя и твоих домочадцев с Новым, 1999, годом, пожелать здоровья, исполнения всех желаний и всего самого хорошего.

Да, у всех пенсионеров те или иные осложнения и трудности, в наше тяжелое время они особенно остро ощущаются, и без видимого просвета. А ведь он должен быть по закону жизни, вот только доживем ли мы до этого времени? Тем не менее, нельзя падать духом и надо быть оптимистом. Я лично считаю так:

Мне 72, и я доволен всем! Живу легко и просто, Живу легко на зависть тем, Кому под 90!!! Говорят, что я старик, Только мне не верится. Ну, какой же я старик, Если он шевелится!!!

Наш институт повышения квалификации ликвидируется и с 20 января полностью прекращает свое существование. Металлургия в полном крахе и повышать квалификацию спецов не имеет смысла. Я теперь безработный пенсионер! Буду пытаться куда-нибудь устроиться на полставки, но это очень трудно в моем возрасте: старики никому не нужны. Тем не менее «дрыгаться» еще буду.

Еще раз с новогодним приветом».

Что-то мне не нравится в последних двух письмах Андрея Владимировича. Не случилось ли с ним чего-нибудь, не с работой, а со здоровьем?

25.12

«Дорогой Андрей! Тороплюсь с ответом, чтобы, выразив благодарность за твое новогоднее поздравление, успеть сделать то же самое.

Поздравляю и желаю тебе всех благ, здоровья и доброго настроения, которого, видно, тебе занимать ни у кого не надо. Мы слеплены из одного теста. Всю жизнь, когда меня спрашивали о ней, отвечал: «Отлично!». Нынче в подобных случаях пытаюсь было открывать рот столь же широко, но ловлю себя и, дабы не быть обвиненным в снобизме, слегка прикрываю его и произношу скромно: «Хорошо» или «Нормально», хотя все равно испытываю желание сказать: «Отлично!».

Руководствуюсь своим давнишним кредо, естественно, – в стихах: иначе о нем не скажешь.

Богатство, слава, власть, желание служить.

Талант свой подарить, закон открыть.

Идею преподнести, чего-либо построить.

Добро вершить, любить иль веровать чему.

В каком деянии себя найти?

Как поступить и быть счастливым?

Да не ищи – играй себя, не жди.

Всё кончится одним, что уравниет всех в природе.

Умей ты чудо находить в любом мгновеньи жизни,

И радуйся еще, коль молод, а визави твой старше.

Серьезнее, чем у тебя, но уж такова натура.

Несколько слов о себе, своих делах. Изредка забегаю на работу, посмотреть, чего они там еще творят и как медленно, но планомерно умирают. Летом участвовал в работе ГЭКа. Недавно позвонили, предложили вновь. Спрашивают: «Какая у меня сейчас должность?» – «Инженер». – «Что, так и записать?» – «Да. Разве Вас не устраивает? Самое высокое звание».

Повесил трубку. Вспомнил, как я ставил в тупик Целикова, ссылаясь на эту «высоту», когда он мне чуть не при каждой встрече предлагал защищаться, а я, кроме того, в ответ на его нечто невнятное думал про себя: не может же так вечно продолжаться, будут же когда-нибудь наконец платить за работу, а не за звания. Похоже, я оказался провидцем вдвойне: теперь не платят вовсе.

Что еще? Периодически бываю в лесу на лыжах. Хожу с друзьями в баньку со снежком и бутылочкой. Получаю письма от Цялюка. Долго с ним о чем-то спорили, примерно в том духе, как он тебе расписывал. Он явно сдает не то от ностальгии, не то от израильской жары. Поспорили недавно и с Нисковских. На кухне договориться не смогли, перенесли спор на страницы «Ритма» («Рабочие инженеры – творцы машин») – так с расшифровкой называли нашу заводскую газетку, как бы специально в издевку, ибо сделано это было как раз в те времена, когда творить почти перестали. Две статьи уже появились. Виталий собирается писать еще одну с разъяснениями. Хохмим! Бегаю по банкам в поисках повышенной процентной ставки для своих «мощных» накоплений. Если бы не это, то жить было бы просто невозможно. Недавно при последнем наглом госграбеже на сем мероприятии ощутил пролетел. Занимаюсь при-

лично (по времени) домашним хозяйством. На своей шкуре убедился, почему бабы живут дольше мужиков: дисциплинирует оно, хозяйство, и заставляет шевелиться.

Еще раз с Новым годом. Бывай здоров и весел, как всегда».

1999 год

10.02

Отправил письмо помощнику Росселя с просьбой организовать встречу.

«Уважаемый Юрий Васильевич!

Направляя свое письмо Э. Э. Росселю, я имел в виду расширить его информационное поле своими представлениями о нашей действительности, так сказать, снизу. Последние, как неперенный элемент обратной связи, считаю полезными для формирования им своих более уверенных управляющих решений. Кроме того, я имел в виду также, кажущуюся мне, бесполезность приведенного в письме, как позиции моих единомышленников, имеющих большие связи, и привлечение которых на губернаторскую сторону было бы не лишним для него в предстоящей избирательной кампании.

Именно поэтому, и дабы дать более четкую оценку мной предлагаемого, я считал бы весьма целесообразным встречу с Губернатором и взаимный с ним обмен мнениями.

В рамках обсуждения затронутых проблем хотелось бы также остановиться на следующих вопросах частного характера.

1. Сейчас в регионе появилось много малых предприятий, занимающихся, или, по крайней мере, старающихся заниматься, настоящей созидательной деятельностью. В частности, мне известно три таких фирмы, организованных не без участия бывших уралмашевцев.

Одна из них – НПП «Техстройкерамика» (Директор Фролов Александр Викторович) специализируется в области производства строительного кирпича и керамики. Ее специалисты придумали отличную камерную печь для обжига этих изделий и повышения их качества. В настоящее время они закончили все опытно-конструкторские разработки, все этапы так называемого рискованного инвестирования и готовы к широкому промышленному внедрению гарантированно доходной технологии.

Вторая – ООО «КОМТЕК НПФ» (Директор Гельфенбейн Владимир Евгеньевич) с привлечением ученых, которые до этого не могли найти своим знаниям достойного применения, разработала и запатентовала новые технологии производства огнеупорных кирпичей и других материалов, изготовила, испытала опытные партии и вышла на промышленное их производство. Фирма располагает научным потенциалом для проведения комплексных исследований в направлении создания огнеупорных материалов на уровне мировых стандартов.

Третья – «ДАТА ЦЕНТР» (Директор Гайнанов Дамир Насибуллович) работает в области автоматизации с применением вычислительной техники. Ее директор, будучи сам талантливым инженером и организатором, привлек в фирму много такого же класса специалистов и в короткий срок в новой для него области вышел на мировой рынок и обратил на себя внимание множества зарубежных фирм. По творческому потенциалу своих специалистов названная фирма, мне представляется, способна уверенно решить любую задачу по автоматизации любых объектов.

Почему, спрашивается, не использовать по-деловому в интересах области возможности указанных и других подобных инициативных предприятий, доказавших уже вполне конкретными результатами свою ответственную дееспособность? Запросить у предприятий предложения, отобрать из них наиболее эффективные, наиболее уверенные по ожидаемой результативности и поддержать предлагающих свои услуги, в максимально возможной степени, материально, морально и организационно.

2. Судя по общественному настроению, надоевшему всем по

большому счету бездействию, я усматриваю наличие определен

ной ниши, которую можно было бы с высокой вероятностью занять

с пользой для региона. Я имею в виду создание какого-либо крупного объекта, вроде балочного стана, строительство которого стало в свое время чуть ли не знаменем Свердловской области.

Вот одно из возможных предложений. У нас в России сейчас работают два допотопных рельсовых стана образца 30-х годов (на Нижнетагильском и Кузнецком меткомбинатах) и два подобного же вида на Украине. Известный Росселю бывший директор Центрального Ги-промеза С. В. Губерт в 80-е годы был одержим идеей строительства нового современного конкурентоспособного рельсового стана как раз на НТМК. Почему бы в память о покойном Губерте не вернуться к этой идее? Думаю, что под эгидой, например, Губернатора можно было бы уговорить правительство на финансирование такой стройки: надоело ведь уже всем стоять. Об области я не говорю, была бы работа многим нашим предприятиям и организациям. Кроме того, считаю, что сегодня, по кадровому составу специалистов и их возможностям, еще как-нибудь такую работу осилим, завтра ее, боюсь, не поднять.

3. Проблема, признаюсь, не совсем без личных интересов. Речь идет о том, что в результате всех последних перестроечных подвижек более всех, кажется, в относительном масштабе, потеряла та категория

трудящихся, которая наиболее плодотворно, инициативно, изобретательно и бескорыстно трудилась на ниве создания отечественной промышленности. Ведь все ими созданное и явилось как раз исходной базой для дармового фактически обогащения достаточно мощной прослойки дельцов и, одновременно, основой для нашего почти 10-летнего существования.

По чисто формальным признакам я бы отнес к данной категории: лауреатов государственных премий, заслуженных изобретателей и рационализаторов, заслуженных деятелей науки и техники, других признанных подобным же образом тружеников. Обладая ранее потенциальной возможностью на признание обществом их заслуг и соответствующие дополнительные льготы, они оказались, несмотря на свой явно выделяющий их из общей массы труд, уравнены в материальном плане полностью с последними. А при определенных сопутствующих, но не благоприятствующих сему моментах, даже в худшем положении. Мне кажется, для этих людей, в порядке благодарности за их труд, общество должно что-то сделать и в моральном, и материальном направлениях».

25.06

Долго не обращался к записям. Большую часть времени был занят работой в команде, организованной Нисковских, по проектированию двухручьевого сортовой МНЛЗ для Салдинского меткомбината. Проект машины разрабатывался нами по договору с фирмой «ДАТА ЦЕНТР».

По творческому потенциалу названная фирма способна решать любую задачу в сфере автоматического управления. Нашим проектом как раз и было придумано расширить поле ее деятельности путем создания своеобразной экспериментальной установки для отработки на ней современных средств автоматизации в области непрерывной разливки стали.

26.06

Сегодня получил письмо от Третьякова.

«Дорогой Владимир Александрович! Прежде всего, прошу великодушно простить за задержку с ответом. Дело в том, что, во-первых, затянулось решение о моем приезде в Екате-

ринбург, теперь ясно, что оно сорвалось. Во-вторых, всюду возился с садистско-посадочной кампанией на даче. Что касается копии твоего письма от 25.12 прошлого года, то я его, подлинник, своевременно получил. Почту ты зря обвинил, она все же более или менее работает.

Мне очень хотелось побывать у вас, посмотреть метро и увидаться с друзьями. Я не очень любил Свердловск, но очень любил УЗТМ и его сотрудников. Часто вспоминаю многих, но особенно Бориса Гавриловича Павлова – это был мой единомышленник, не забуду беседы и пьянки с ним, и как он мирил меня с Литвиновым в бытность, когда тот был Главным конструктором, а Павлов – заместителем директора.

Литвинов не захотел подписать мне командировку на какое-то совещание. Павлов вызвал нас, сделал мне строгое замечание, а Литвинова попросил подписать командировку. Я был полностью удовлетворен, вернулся в свою лабораторию, и тут же звонок Павлова:

- Андрей Владимирович, надеюсь, Вы правильно поняли меня?!
- Конечно, – ответил я, – благодарю за порицание и за разрешение нашего спора.
- Очень рад, – сказал Б. Г.

Не могу забыть Липатова, который кроме конструктора и хорошего инженера был еще человеком с большой буквы и отличным поэтом. Встречи с ним, как правило, заканчивались чтением стихов. Он писал их отлично. И я очень сожалею, что они не сохранились у меня. Я ему тоже читал некоторые, но не свои, конечно, ибо я стихов не пишу (это, возможно, он мне в пику за мой ему стишок!). Липатову страшно понравились стихи Победина Ивана Сергеевича, моего бывшего начальника лаборатории, самого умного человека во ВНИИметмаше.

Липатов, услышав их, сказал, что они будут очень актуальны лет через тридцать!

Ты из гранита вырос смело Стоять на долгие года. И над Москвой окаменела Твоя прославленная борода! Наш дед, учитель, наш groß Vater Надменно впряил Взор совиный В академический театр! Твое пророческое слово Достигло дальних разных стран, Но ты на площади Свердлова Решил остаться у славян! Ликуйте, мудрые марксисты, Как Герцен молвил иногда, Красуйся глыба из гранита И стой до Страшного суда!!!

А разве можно забыть Краузе – его «голова!», и многих, многих других, ушедших и, слава Богу, живущих ныне. Вот о чем хотелось бы поговорить при встрече, и я не теряю надежды!

Желаю тебе и твоим домочадцам всего наилучшего, а Гале стойкости и мужества.

P.S. Моя вторая дочь, ее фамилия Логунова Юлия, хорошо знает твоего сына, она работает в Горном институте на бывшей кафедре Кубачека».

К чему была сделана эта приписка относительно знакомства наших детей? Не понял.

30.06

Третьяков написал в письме несколько строк о Павлове и Липатове. А вот что об этих людях вспомнилось мне.

1951 год. Сентябрь месяц. В 7 часов вечера после рабочего дня мы грузимся в кузова нескольких грузовиков, и нас везут в район Белоярки на уборку картофеля. Устраивают часов в 11 на ночевку. Работаем полный день, возвращаемся домой снова ночью, и на третий день утром, как положено к 8 часам, выходим на работу. Я исключение: один из всех прихожу на нее с 5-минутным опозданием, а потому, по нормам и правилам тех лет, тут же вызываюсь на ковер и предстаю перед четырехугольником отдела во главе с Борисом Гавриловичем. Начинается обычная проработка: «Как это такой молодой и прочее, допустил столь недостойный проступок?». Веду себя абсолютно не конструктивно: придумывать «объективные» причины не умею и потому молчу. «Угол» не выдерживает, и кто-то из менее терпеливых начинает мне помогать.

- А может, – произносит один, – они поздно вчера вернулись из Белоярки?
- Конечно же, – подхватывает другой, – приехали в 12-м ночи.

И тут вступает в разговор Главный.

– Владимир Александрович, ну как так можно, почему Вы молчите? Уехали позавчера вечером, вероятно, не спали ночь, целый день работали в поле, вернулись ночью... А мы Вас прорабатываем. Люди самоотверженно трудились... – это он уже к своим коллегам, – а им устроили проработку... Как, товарищи, поступим?... Полагаю, дело надо закрыть и признать недопустимость подобных данному случаю разбирательств в дальнейшем...

Через некоторое время состоится научно-техническая молодежная конференция. Предлагают выступить на ней с сообщением об одном моем проекте. Доклады попадают предварительно на просмотр к Павлову. При коридорной встрече со мной останавливается и спрашивает с неизменной своей вежливостью:

– Владимир Александрович, я ознакомился с Вашим докладом. Это Вы сами написали или Вам кто-нибудь помогал?

На мой явно недоуменный взгляд, говорящий без слов о безусловной недопустимости для меня такого варианта, последовало:

– Превосходно. Я только так и представлял.

В поведенческом плане Павлов был непревзойденным руководителем. Всегда безупречно одет: в наглаженном костюме, свежайшей сорочке и блестящих черных штиблетах. Предупредителен, вежлив чуть не в любой момент и чуть не всем (по крайней мере, так всем представлялось) доступен для встречи и разговора.

Он не работал, а красиво руководил отделом, и потому работа остальных как будто делалась сама собой без видимого вмешательства Главного. От него требовалось только одно – его при ней артистически-художническое представительство. Исполнял он последнее (включая сюда, на столь же высочайшем уровне сделанные, все свои публичные выступления) играючи легко и просто. Любили его все, но особенно женщины, до которых он был охоч в неменьшей степени и сам. Похоже, секретарь имела даже приказ пропускать к нему в кабинет просителей дамского пола в любой на то подходящий момент. Слово «занят» было редким исключением. Так всеми и воспринималось.

Превосходно выглядел Павлов на ноябрьских демонстрациях, когда порой было уже весьма морозно. Он во главе отдельской (позднее ниитяжмашевской) колонны. Легкий пружинистый шаг, элегантное полудемисезонное пальто, шапка с поднятыми ушами, розовошек, как будто только из бани. Остряки пошучивали: «Да, у него против тебя, с синим носом, в два раза быстрее течет кровь, а под костюмом две пары белья из тончайшей 100-процентной шерсти. Вот и весь секрет».

А теперь скажите, как после подобной чуткости и внимательности можно было относиться к этому человеку, моему первому Главному конструктору, с которым мне довелось общаться не только на работе, но и вне служебной обстановки, – совместно на условиях самостроя возводить в конце 50-х годов гараж для своих личных автомобилей, бывать в общих командировках и даже не раз участвовать в ресторанных пирушках.

В те далекие годы решение массы вопросов замыкалось в московских правительственных организациях, потому командировочные встречи уралмашевцев в Москве были почти постоянным явлением и, когда собиралось пять-шесть человек, не пойти на ужин в какое-нибудь заведение было просто грешным делом.

Тут Павлов был не заменим. Конкурировать с ним мог разве только еще Краузе. И потому я, для полноты впечатлений от подобных встреч, опишу одну из них в ресторане гостиницы «Москва».

Начинал такое застолье всегда Борис Гаврилович, ему же предоставлялось право сделать общий заказ, что исполнял он безупречным образом, как бы и никого не спрашивая о вкусах и желаниях и в то же время полностью их удовлетворяя.

Прежде всего, им представлялась официанту (естественно, в подобных случаях мгновенно появляющемуся у стола, а то еще и до) наша компания. В зависимости от состава – либо как собрание выдающихся (на худой конец, просто ведущих) конструкторов, либо таких же инженеров, а иногда объявлялся и подходящий на то повод посещения их. В тот вечер таким поводом послужило недавнее присуждение звания лауреата Ленинской премии Леониду Александровичу Ефимову, который был представлен обществу со всеми возможными эпитетами в его и наш, ближайших коллег, адрес.

Далее следовал заправского завсегдатая заказ.

– Нам для начала бутылочку столичной, закусочки на Ваше усмотрение, водички, а далее по обстановке. Одна просьба: проверьте, пожалуйста, есть ли на вашей кухне сегодня свежий судачок?.. И еще, – все на должном уровне и с учетом наших скромных инженерных возможностей.

– Борис Гаврилович, как можно? – вмешивается Краузе. – На такую компанию и по такому событию? Давайте, – уже к официанту, – сразу хотя бы три.

Павлов реагирует на эту не очень вежливую для него реплику мгновенно.

– Разумнейшее предложение. Запишите в заказ, как просит наш уважаемый Геннадий Николаевич, но начнем с одной: не будем торопить события, нам есть о чем поговорить.

Почти немедленно на столе появляется водка и бутылки с водой, сервируется стол, а через пять минут приносится закуска в ожидаемом, лично мною, ассортименте и оформлении и, похоже, в полном соответствии с павловским при заказе условием насчет кармана.

Первый тост за Павловым. К его обычному: «За случайную приятную встречу, за здоровье присутствующих, за наш родной завод, предоставляющий нам возможность проведения подобных «мероприятий», добавляются еще и теплые слова в адрес главного виновника торжества, отмечается его творческий потенциал, огромный вклад в современное прессостроение и все остальное в том же эпохальном духе.

Начинается застольный разговор, сначала спокойно-взвешенный, затем все ускоряющийся и все более эмоциональный и почти уже без пауз, а даже чуть ли не в очередь, о всяких интересных случаях, производственных и житейских, о людях, пересыпаемый анекдотами и рассказами о смешных и каверзных историях, которых, казалось, у каждого было на памяти бесчисленное множество.

Вспомнили и кое-что о самом Павлове. Краузе поведал нам, как Павлов, будучи ответственным представителем завода на монтаже первого отечественного рельсобалочного стана на Нижнетагильском меткомбинате, нашел выход из одного затруднительного положения.

– Для доставки рельсовых проб, – рассказывал Краузе, – был предусмотрен 10-метровый так называемый гравитационный (установленный с небольшим уклоном) рольганг, по которому эта длиной 1300 мм проба должна была катиться сама собой. Положили пробу на рольганг, а она не катится. Начались соответствующие «издевательские» реплики в наш адрес... Борис Гаврилович подходит к пробе, берет ее своей холеной рукой, с выступающим из-под рукава пиджака обшлагом, как всегда белоснежной рубахи и со словами: «А кто Вам сказал, что она должна перемещаться сама?», медленно вышагивая вдоль рольганга, плавно подкатывает пробу к копру. Одобрительный хохот. Рольганг к общему удовольствию принимается в эксплуатацию без каких-либо замечаний.

Смеемся и мы.

Я, в ответ на чью-то брошенную фразу об одном блестящем выступлении Павлова, рассказал аналогичный случай, связанный с его, столь же блестящим, докладом на совещании по рассмотрению планов новой техники институтов и заводов Минтяжмаша, которое состоялось тогда на Новокраматорском заводе.

– Вызывает меня Борис Гаврилович и просит подготовить ему сводный по институту доклад к названному выше выступлению. Добавляет при этом, что необходимые для того мате-

риалы по отдельным институтским службам будут мне доставлены. Свел я все полученное в один документ и в назначенный срок понес показать свое творение Борису Гавриловичу. Он мне: «Оставьте его пока у себя. Завтра полетим и в самолете посмотрим».

– В самолете, по моему напоминанию, он вновь уходит и предлагает посмотреть потом, в гостинице. Прилетели, устроились, я опять к нему, и вновь с тем же результатом: «Потом». Я завожусь и решаю больше к нему со своими «заботами» не лезть. На следующий день приходим на пленарное заседание. Первым, объявляется, выступает Целиков, вторым Павлов. Он спокойно слушает доклад Целикова и только где-то в середине его наконец просит меня показать ему мои материалы. Не успев даже кое-как их перелистать, поднимается на трибуну и в абсолютной тишине, в точно оговоренное время и ничего не перепутав и не наврав, заканчивает свое выступление. По залу прокатывается гул одобрения. Слышу рядом: «Вот кому надо бы выступать с пленарным докладом!».

– Борис Гаврилович, – пользуясь застольной свободой, спрашиваю его я, – откройте секрет, чего в этой истории было больше: Вашего желания проверить мою исполнительность и ответственность или демонстрации собственных экспромтных способностей?».

Павлов улыбается и оставляет мой вопрос без ответа. Появляется официант и шепчет ему, что судак свежайший, чуть не только пойманный. Борис Гаврилович с всеобщего согласия заказывает изготовить его на сковородочках... под сметанным соусом. И, с очаровывающей своей вежливой предупредительностью, просит принести все сразу по готовности...

Разговоры продолжают. Судак оказывается наивкуснейший, в полном соответствии с нашими ожиданиями.

Время 11 часов. Расставаться не хочется. Идем, по предложению Ефимова, страстного картежника, к нему в номер сыграть партию в преферанс. Нас пять человек, потому бросаем жребий, кому быть... «половым». Половым выпадает стать главному инициатору предложения. Он явно расстроен, сочувствую и через 10 минут уступаю ему свое место за столом, а сам занимаю его. Через некоторое время, в предвкушении очередных давно мне известных павловских миниатюр, незаметно сообщаю Борису Гавриловичу, что все готово. Он бросает взгляд на стоящий у окна письменный стол и произносит своим хорошо поставленным голосом: «Вы посмотрите, что нам подготовили... Перерыв. Господа! К буфету». Подходим к столу, и пока наполняются рюмки, Павлов успевает доставить всем удовольствие еще одной своей коронной фразой: «Как это там у них?». И, одновременно артистически проводя указательным пальцем правой руки между шеей и внутренней стороной воротничка рубашки, вкладывает в нее всеми угадываемый двойной смысл: «Хорошо у них, однако и у нас совсем, совсем не плохо»... Леонид Александрович доволен, довольны все остальные. Расходимся в 2 часа ночи. Кто говорит, что в те советские времена люди знали только работу? Веселились, да еще как!

Однако человек слаб. Были и в биографии Павлова случаи, которые, казалось, никак не соответствовали его общепризнанному образу.

Строили мы упомянутые гаражи. Было принято решение за каждый пропущенный рабочий час штрафовать провинившегося на 10 рублей. Борис Гаврилович настолько «пропустил», что его штраф вылился в сумму 1500 рублей, которые и были причислены к стоимости гаража (правда, мизерной по тем временам и равной чуть ли не тем же 1500 рублям). Однако это последнее обстоятельство как раз, видимо, и произвело на него особо сильное впечатление: платить в два раза больше! Когда таковое было ему предъявлено, он буквально взвился.

– Как это так можно? Я добился разрешения на строительство в удобном месте, договорился о подводе к гаражам тепла и электричества... и у вас хватает совести предъявлять мне штраф? – И что-то еще в столь же скандальном виде, совершенно ему не свойственном. Кооператорщики тоже завелись, и штраф с него содрали, ссылаясь на имевшую место договоренность и якобы даже неоднократные ему о том напоминания. Правда, через некоторое время, при следующей встрече, он мне сказал:

– Я, кажется, прошлый раз наговорил лишнего?

– Не расстраивайтесь, никто не придал тому особого внимания, – ответил я, – мало ли чего случается в жизни?

Тем не менее нечто похожее с ним случилось еще раз.

Как-то нас послали на субботник по очистке заводской территории от всякого рода металлохлама. Каково же было мое удивление, когда я среди этого «хлама», подлежащего, как нам сказали, отправке на лом и последующую переплавку, увидел под открытым небом заказанный для одного из временно замороженных объектов новенький правильный пресс со всей его комплектацией, включая электродвигатель и все прочее. Я настолько возмущился, что тут же позвонил кому-то из высшего заводского начальства. Через полчаса появился Павлов и с ходу, ни о чем не спросив, буквально отчитал меня за проявленную самостоятельность, за то, что я лезу не в свои дела. Я вытаращил от удивления глаза и ничего ему, помнится, не сказал. Лишь подумал: «Неужели он оттого, что я позвонил прямо «наверх», минуя его?». На сей раз Павлов передо мной так и не извинился, хотя должен был знать, что тому прессу я нашел покупателя и он был отгружен, а не отправлен в металлолом. Слаб человек. Даже такой, как мной любимый Борис Гаврилович Павлов.

05.07

Александр Петрович Липатов был в чем-то похож на Павлова. Одинакового среднего роста, оба полноватой комплекции, с всегда цветущими лицами, большие эрудиты, настроенные на постоянную устойчивую волну быть приятными и доставлять удовольствие своему окружению и, прежде всего, особам женского пола. Однако Павлов, как говорят, был себе на уме, а потому по жизни достаточно много, хотя и очень красиво, играл. Липатов же воплощение полной открытости, порядочности и других благородных человеческих качеств, данных ему от природы. Вот уж истинно, мне представлялось, он за всю свою жизнь не обидел ни одно живое существо. Не от душевной ли доброты его хобби было сочинение стихов и плетение корзин? И не потому ли его первоклассные юбилейные стихи хранятся, вероятно, у доброй половины наших конструкторов, а многие, из числа им особо чтимых, помнят и его корзинки?

Одно время Александр Петрович из-за семейных неурядиц попивал несколько больше нормы и довольно часто после разного рода торжественных «собраний», на которые он был приглашаем почти без исключений, оставался у кого-нибудь ночевать. Пригласить и затащить его на ночь в свой дом отбоя не было. Не только из-за себя, но еще больше из-за своих домашних и, прежде всего, женщин. Думаю, что с такой приятностью, чуть не благодарностью, не принимался в домах ни один гость, да еще в поздний час, и в некотором

даже подпитии. Липатов, не успев переступить порог, начинал с всевозможнейших дифирамбов и дому, и хозяйкам, каждой персонально вне зависимости от ее возраста. То же – за вечерним чаем и утренним завтраком. Назавтра обо всем этом рассказывалось, и появлялись очередные желающие, при случае, затащить его к себе.

В работе он напоминал Павлова. Работа делалась у него также сама собой без видимого напряжения, но при большом желании его младших коллег. Помню, как по этому свойству его натуры мы с ним оскандалились. Он тогда был инженер проекта толстолистного стана, а я для него проектировал листопрямильную машину. Сделали мы машину, изготовили ее, и я повел в сборочный цех Химича показать свое детище. Пришли, посмотрели. Химич меня поблагодарил и между прочим как бы заметил: «Машина-то у Вас... зеркального изображения, т. е. вместо правой – левая». Ошибка, конечно, грубейшая. И для меня, как прямого разработчика, и еще больше, непростительно больше, – для Липатова, инженера проекта стана. Однако вылезли мы из неприятного положения просто из-за моей, бзиковой уже тогда, страсти к максимальной симметричности всех своих сооружений. Моя левая отличалась от правой лишь одной заводской маркой – эмблемой: она у нас согласно отведенному машине месту на

генплане оказалась с задней ее стороны. Для того чтобы марку перенести на нужную сторону, пришлось дополнительно просверлить 4 отверстия. Машина стала абсолютно симметричной. Хочешь – ставь ее в правый поток, хочешь – в левый.

Однако в каждом деле кроме прямых последствий есть косвенные. В данном случае плюсы последних много превышали минусы первых. Я получил превосходное подтверждение огромной целесообразности устремлений к симметричным формам, их явного преимущества (не только по упомянутой причине, а и по еще более значимым другим) в сравнении с асимметричными решениями. Естественно, в дальнейшем при обращении кого-нибудь в свою «веру» я не раз рассказывал об этом внешне впечатляющем копеечном выходе из той глупейшей ситуации. А для усиления непременно старался добавить: «И только благодаря практически полной симметричности нашей конструкции!». Не забывал и упомянуть Липатова, а при подходящем случае еще и рассказать про него какую-нибудь байку. Одна из них.

Года за два до выше приведенного случая, нас, нескольких молодых конструкторов, пригласили на заводской Совет по рассмотрению технического проекта того стана, о котором речь шла выше. Работали тогда, в 50-е годы, много, и подобные Советы, которые вел обычно главный инженер завода С. И. Самойлов, проходили в вечернее время. За полчаса примерно до его начала, во время отсутствия хозяина, под руководством Липатова развесили необходимые ему для доклада чертежи: все новенькие, исполненные тушью на полотняной кальке, и только один из них, гипромезовский генплан стана, представлен был в виде синекопии, причем достаточно уже потрепанной и замусоленной. Собралось конструкторское начальство и члены Совета. Расселись. У чертежей только Павлов и Липатов. Ровно в 8 часов появляется Сергей Иванович, бросает взгляд на чертежи, видит мутную синекопию генплана и, повернувшись к Павлову и Липатову, своим крикливым писклявым голосом учиняет им форменный разнос.

– Сколько раз я просил и Вы мне обещали представлять чертежи только в кальках, а здесь опять что? Что это за подтирочная бумажка? Ее как, прикажете, членам Совета в бинокли рассматривать? Вы-то сами на ней слепой хоть что-нибудь узреть в состоянии?

И далее в том же вопросном духе, без пауз. Павлов и Липатов перед ним без хотя бы мало-мальски заметной на их лицах реакции, без тени смущения, как будто так, чуть не с мата, только и должен начинаться любой Совет. Наконец Самойлов выдыхается.

Вступает Павлов и в своей театральной манере, спокойно, как будто до этого и не было никакого начальнического крика, произносит.

– Сергей Иванович, ваше указание принято и неукоснительно нами выполняется. Вы видите, что все наши чертежи представлены в кальках.

Показывает рукой на висящие кальки и делает небольшую паузу, которую моментально заполняет, будто по заранее имевшей место договоренности, Липатов.

– Здесь только одна синекопия гипромезовского генплана, но она больше для меня – докладчика – и членам Совета, как Вы дальше увидите, не потребуется.

Самойлов заводится снова, но уже более спокойно:

– Чего же Вы тогда молчали? У нас что, есть лишнее время?

Павлов делает попытку возразить: он, дескать, никак не мог прореагировать раньше по независящим от него обстоятельствам, но Самойлов его прерывает:

– Ладно. Прошу меня извинить. – Садится в кресло и продолжает: – Начнем. Нам нужно рассмотреть технический проект... Докладчик А. П. Липатов.

– Сколько Вам надо?

– 30 минут.

– Постарайтесь сократиться на 5 минут, что мы тут бездарно потеряли.

А дальше тот же спектакль, но уже совсем другого плана. Игра Самойлова в нем восхитительна, завораживает всех участников. Он безупречно корректен, вопросы точны и уместны, ни одного для формы. Во всех его репликах чувствуется незаурядный ум, знания, опыт, уме-

ние схватить главное. Заключительная речь впечатляюще хороша: без воды, без общих фраз, коими обычно заполняются подобного характера выступления начальнических лиц. Только по сути проекта и его месте в планах завода, министерства, страны с вполне конкретными и весьма обоснованными предложениями конструкторам и другим службам завода в части стоящих перед ними задач по его ускоренной и качественной реализации.

Поучительно, что многое из отмеченного, как потом устанавливалось участниками Совета, вполне отвечало или соответствовало их пониманию проблем и действительно требовало дополнительного акцентирования на них внимания на уровне Главного инженера, но было и такое, что не представлялось и не мыслилось даже главным исполнителям проекта.

Именно на данном Совете, если мне не изменяет память, Сергей Иванович, обратив внимание присутствующих на изготовление заводом в ближайшее время большого количества прокатных станов, перечислил для убедительности все объекты и предложил подумать над созданием в цехе крупных узлов специализированного участка для обработки их станин и других, подобных им крупных деталей. Дабы станину, пояснил он, не таскать от станка к станку и не выверять там ее сутками, а, наоборот, установив раз на участке, обработать всю за один, как говорят, заход да еще и с совмещением отдельных операций. Этот участок был срочно создан, и через какие-нибудь полгода в цехе 29 можно было увидеть, как огромная первая станина обрабатывалась одновременно со всех четырех сторон. Во столько раз, если не больше, был сокращен и общий цикл изготовления.

И если зашла речь о Самойлове, то не могу не отметить, что с его именем связан период самого значимого роста завода и его возможностей. Новые объекты, новые технологии, новые процессы на самом заводе. Высокочастотная закалка деталей и другие способы их поверхностного упрочнения, электрошлаковая сварка, бесчисленные мероприятия по снижению трудоемкости изготовления оборудования, крупномасштабный переход с литья на сварные и сварнолитые конструкции, агрегатная обработка и поточные линии для наиболее массовых узлов – все это внедрялось тогда, в годы главного инженерства Самойлова.

Самобытный, одержимый, преданный делу и только делу человек! Таким он оставался и после ухода с завода на преподавательскую работу в УПИ. Помню, как однажды, уже на склоне его лет, случайно встретившись в коридоре заводоуправления, я задал ему стандартно-вежливый вопрос о здоровье и жизни.

– Не жалуюсь, – ответил он мне. – Но, Вы знаете, по моим годам, кажется, живу не очень спокойно: все время ловлю себя на осмысливании каких-то идей.

В нем оставался дух прежнего постоянно ищущего человека, дух бывшего, самого лучшего из всех на нашем заводе главных инженеров. Да пусть не обидятся на меня другие, что также достойны нашей памяти.

И вот по прошествии тех лет, когда в какой-либо компании заходил разговор о нашем заводе, его работе, о нам в ней чем-то нежелательном, я придумал задавать один вопрос. А не с уходом ли двух людей: С. И. Самойлова и Г. Н. Краузе (о котором я еще не раз вспомню) – Завод постепенно стал сдавать свои позиции? Конечно, я понимал всю ограниченность такой трактовки проблемы, ибо начала сдавать свои позиции вся страна, но что-то в нем, этом вопросе, было от действительного. Ведь точно так же, может по другим лишь причинам, стали уходить подобные им люди – представители первой волны соцстроительства – и в других местах.

26.09

Сегодня исполнилось 150 лет со дня рождения физиолога Ивана Петровича Павлова, который состоявшими на службе прагматика «всех времен и народов» Сталина был превращен чуть не в главного апологета естественнонаучных основ диалектического материализма.

Знаменательны в этом плане взаимоотношения между марксистским ортодоксом Бухариным и таким же фактически ортодоксом, но в физиологии, Павловым.

Начались они с непримиримой критики: одного – «в догматическом характере марксизма», а второго, как и должно в подобных спорах, – в столь же догматической обывательской «точке зрения». Павлов при этом, надо признать, выглядел, несмотря на всю его ортодоксальность, много сильнее, чем Бухарин, писавший в своем стандартном виде: красивых словосочетаний и несбывшихся мечтаний, вне логики и здоровой аргументации. Так в споре прошло несколько лет, пока Бухарин, надо полагать, не получил «соответствующих указаний». Он встречается с Павловым «на равных», поет ему разные дифирамбы, в чем-то соглашается с его критикой, чего-то обещает... и между ними мгновенно, в полном согласии с марксистским «бытием, определяющим сознание», устанавливается тесная дружба. Павлов становится активным защитником советской власти, а Бухарин избирается Академиком, возглавляет Институт истории науки и техники, регулярно наезжает в Ленинград и всякий раз встречается там со своим новым коллегой. Такова метаморфоза!

Условные рефлексy, пригодные, разве, для объяснения поведения червяка; диалектический материализм вне природного естества

всего живого – прямое следствие человеческой одержимости. Не зря еще один ортодокс, но умница, Троцкий в прямой спор с Павловым не вступал и просто полусутоливо-полуиздевательски написал ему в частном письме, что его учение, «как частный случай, охватывает теорию Фрейда, с ее сублимированием сексуальной энергии». Но, в отличие от фрейдистского «полунаучного, полубеллетристического метода вприглядку, сверху вниз, оно, – писал Троцкий, – опускается на дно и экспериментально восходит вверх», а потому «оценка психоаналитической теории Фрейда под углом зрения теории условных рефлексов составила бы благодарную задачу для «одного из Ваших учеников...». Такова в данной истории реакция Троцкого!

До чего же приятно чувствовать себя не зацикленным на чем-либо нормальным человеком. К этим трем одержимым «светочам» мировой мысли я относился всегда критически и не менял взглядов на них со студенческих лет.

Ну, а при чем тут Сталин? Все говорит о том, что именно по его указанию Бухарин «влетел» в очередной раж демонстрации своих «интеллектуальных» возможностей перед Павловым, неадекватно воспринятых последним... Но в полном соответствии с желаниями Сталина по использованию имени ученого для пропаганды достижений страны Советов и ее Главного строителя. Горький, Толстой, Куприн, теперь еще и Павлов – все для одного и того же. Драчка Бухарина началась при Ленине, а мир между ними – при Сталине.

12.12

«Дорогой Андрей Владимирович! Твое последнее письмо получено мною почти полгода назад. Я приношу извинения за свое непомерное свинство, тем более, что ему, помнится, как бы предшествовали кое-какие мои претензии к тебе за аналогичную задержку с ответом. У тебя на то были вроде причины, у меня их нет, хотя и увлечен был прилично как раз в это время работой.

Прежде всего, разделался с В. М. и закончил в обещанный срок проект участка резки и уборки заготовок для МНЛЗ. Не успел закончить, как меня пригласили на старое место работы под предлогом заняться станом 5000 для известной, наверное, тебе затеи с производством собственных одношовных труб для Газпрома.

Приглашен я был чуть ли не на следующий день после увольнения на пенсию Орлова (он сейчас устроен в информационной службе нашего Бизнес-центра по прокатному оборудованию, который возглавлял последний год сам и где стал теперь начальником мой воспитанник В. П. Скабин). Так вот значит пригласили, а я с ходу к ним, меня принимавшим, с двухчасовой лекцией об этом проекте века.

Через пару дней мы договорились о реальной программе действий, и я сейчас делаю им, в рамках заключенного контракта, два реальных приземленных небольших аванпроекта современных правильных машин для листа и профильного проката, в том числе для рельсов. Разговоры о трубе со мной пока прекратились.

Заканчивается второе тысячелетие. Поздравляю тебя с ожидаемой сверхкруглой исторической датой, свидетелями которой мы скоро окажемся волею предпосланной нам Богом судьбы. Всех тебе благ, здоровья и отличного настроения. Того же всем твоим родным и близким. Крепко жму твою руку и остаюсь с мечтой о встрече».

Копия письма Росселю.

«Уважаемый Эдуард Эргартович! Последнее время Вы уделяете много внимания проблеме производства труб большого диаметра. Однако названная проблема с точки зрения ее технического решения сформулирована, как мне кажется, абсолютно в безальтернативном варианте, продиктованном односторонними интересами Газпрома, причем интересами, полагаю, не совсем безупречными.

Почему только одношовная труба?

Насколько помнится, в свое время первый зарубежный комплекс по производству одношовных труб из сверхширокого листа (потенциальная возможность получения которого в те времена представлялась самостоятельной стратегически важной задачей) был построен специально для нашей страны, под ее неограниченные тогда финансовые возможности. Новая технология, новое оборудование и отлично поставленная реклама сделали свое дело, и просто высокое качество труб во всей их совокупности было отнесено к одному на трубе шву. Дорогая труба стала приобретаться не только от нашей безысходности, но и как бы ради моды, почти точно так же, как это имеет место в области смены женских юбок.

Спрашивается, если по достойно хорошей технологии можно сделать весьма надежную и добрую одношовную трубу, то почему ее нельзя сделать таковой же, но весомо более дешевой, например, с двумя швами? Ведь при высокой вероятности получения качественной одношовной трубы (даже если мы отнесем ее, вероятность, только к одному шву, не считая остальной металл) вероятность получения брака при двухшовной трубе не выйдет на другой уровень; она останется, при сравнимых способах и технологическом обеспечении, практически того же порядка, а если при этом будут учтены все факторы, определяющие качество и надежность данной продукции, то тем более.

А вот комплекс сооружений для производства одношовных труб, особенно его листовой стан 5000 будет стоить, по самой скромной оценке, раза в два-три дороже. При увеличенной в два раза (по сравнению с двухшовной трубой) исходной ширине листа масса стана возрастет в квадрате, а сложности по его созданию чуть ли не в кубе. Почти каждый определяющий узел станет уникальным сооружением, а изготовление их окажется на пределе возможностей машиностроительных предприятий. Значительно, хотя и не в такой степени, будет тяжелее и сложнее в изготовлении собственно трубосварочный комплекс. Аналогичным образом усложнится и эксплуатация названного оборудования.

Кажется, есть смысл посмотреть на данную проблему глубже, в исходном техническом плане. Решить или, во всяком случае, более взвешенно подойти к ней, учитывая занятую тут Газпромом ведомственную позицию, можно только путем рассмотрения соответствующей экспертной оценки альтернативных вариантов производства больших труб на высоком правительственном уровне. В состав экспертной группы должны войти представители Заказчика, Гипромеца, металлургов – листовиков и трубников, машиностроительных заводов, работающих в области производства оборудования для листопрокатных и трубных станков.

В противном случае есть опасения, и весьма обоснованные, что Запад втянет нас в сию авантюру, продаст нам старый инжиниринг и, как только мы в ней достаточно увязнем, поставит у себя, базируясь на известные знания и опыт, новый комплекс для производства двух-

шов-ных труб, с нормальным листовым станом 2800 (3200 или 3600) и более простым сварочным оборудованием. И, предпослав соответствующую рекламу о превосходном качестве новых труб, да к тому же еще и большего, чем у нас, диаметра, предложит их нам по цене процентов на 30 ниже наших одношовных. Вот тогда-то Газпром станет покупать заграничные трубы вполне «обоснованно» и даже в плане общенародных интересов страны. А ведь не исключено? Остановившись на берегу, не подумать ли, как мост нам строить – вдоль или поперек?».

2000 год

14.04

Все прошедшие четыре месяца занят был работой по проектированию правильных машин.

Сегодня только позволил себе отвлечься и ответить на очередное письмо Цалюка, которым подвел итог нашим спорам по первой своей книжке и одновременно послал ему промвариант моего сочинения «По страницам прочитанного».

05.05

Отправил второе письмо Росселю по проблеме большой трубы. Интересно, чем кончится эта история, прав я окажусь или нет?

«Уважаемый Эдуард Эргартович!

Своим письмом от 18.11.99 г. я обратился к Вам с некоторыми замечаниями относительно строительства комплекса по производству труб большого диаметра и, главным образом, толстолиствого стана 5000.

Суть их сводилась к тому, что есть весьма и весьма обоснованные сомнения в безальтернативном варианте предлагаемого производства одношовных труб из широких листов и потому предлагалось посмотреть на данную проблему более взвешенно и рассмотреть в экспертном порядке иные возможные пути ее решения.

Мое письмо было направлено Вами на НТМК. К сожалению, ответ оттуда не выдерживает критики, ибо полностью оставляет открытыми все поставленные мною вопросы и предложения, и сводится к одному, по сути, главному исходному утверждению, что «покупатель (заказчик) всегда прав, и производитель обязан сделать все, чтобы удовлетворить требования покупателя».

Не совсем бесспорный принцип даже в отношении какой-либо электробритвы или стиральной машины. В части же капитальных объектов народнохозяйственной значимости такой подход, считаю, абсолютно неприемлемым. Здесь решение должно отвечать стратегическим задачам возможных направлений развития рассматриваемой отрасли производства. Быть достаточно компромиссным и отвечать условиям его максимальной возможной совокупной эффективности в рамках всей страны, а не только частным, и к тому же не совсем безупречным, интересам Газпрома.

Нельзя согласиться и с дополнительными (не вытекающими из нашей постановки проблемы) доводами НТМК относительно стана 5000, как стана для обеспечения «потребностей в качественном листе машиностроения, судостроения и оборонных предприятий». Это самостоятельный и также не бесспорный в настоящее время вопрос. Однако не в этом дело, а в том, что основное назначение стана в данном случае – производство листа для труб и производство последних с максимальной эффективностью для газовой отрасли и страны в целом с учетом сегодняшних ее возможностей и задач.

Сейчас в связи с принятым решением о строительстве нового трубного завода (вполне реального плана в сравнении с предлагаемым ранее решением о, просто смешном, использо-

вании зданий от блюминга 1500) мне хотелось бы вернуться к затронутому вопросу и просить Вас еще раз внимательно рассмотреть мое письмо от 18.11.99 г.

Новый завод – это здорово! Надо сделать, чтобы он был достойным, еще одним, подтверждением Вашего делового потенциала».

0 7.06

«Марк, дорогой, здравствуй! Мне кажется, что мы с тобой несколько отличны в подходах к нашим созидательным трудам. Тебе в значительно большей степени свойственен полет мысли, я же приземлен. Твои пристрастия и решения ориентированы на общую схему, ее чистоту, классичность и т. д., мои – на разумный компромисс, простоту, надежность, добротную элементную базу и прочие аналогичные штучки.

Не помню, говорил ли я тебе о своих впечатлениях от посещения (в 80-е годы, с тобой) вашего завода. Они подтверждают приведенное. Удивление от красоты и сложности схемных решений по вашему оборудованию и, одновременно, – от архаизма в элементной базе, методах изготовления оборудования, с которыми мы на Уралмаше (горжусь, – не без моего активного участия) расстались еще в 50-х годах и которые, такое у меня сложилось впечатление, полностью сохранились у вас, и будто без каких-либо изменений оказались перенесенными из нашего 32 цеха тех лет его существования. Сверление отверстий на сборке, индивидуальная подгонка деталей и узлов, при-зонные болты, разъемные зубчатые муфты... К чему это я о вещах, вроде как не имеющих прямого отношения к интересующей нас проблеме? Прямого – да, но они, кажется, налагают, не могут не налагать, отпечаток на наше мышление, на наши подходы к делу.

Вот ты пишешь о в два раза меньшей надежности двухшовной трубы и ссылаешься на «неопровержимость» теории вероятности. А ведь анализ показывает, что надежность трубопровода (даже если мы гипотетически отнесем ее только к одним продольным швам трубы, не считая всех остальных факторов) в большей степени зависит от вероятности безотказной работы (качества) трубы и в меньшей степени от количества упомянутых швов. Ведь только при очень низкой вероятности безотказной работы одношовной трубы мы получим действительно в два раза *ощутимо* меньшую надежность трубопровода определенной длины (ну, например, в 1000 км) в варианте исполнения последнего из двухшовных труб. А если мы примем упомянутую вероятность безотказной работы одношовной трубы на уровне 0,99999, то количество отказов в таком трубопроводе хотя и будет отличаться также в два раза, но только на уже не ощутимо низком абсолютном уровне, приближающимся к единице. Трубу я взял в расчете длиной 18 м. Что касается надежности шва, то его надо обеспечивать на максимально возможном уровне, в том числе и «небезуспешным», как ты придумал, механическим упрочнением.

Далее у тебя идет речь о якобы более низкой себестоимости одношовных труб.

Но эти твои рассуждения напоминают мне давний спор с Целиковым о, также якобы меньшей, себестоимости двутавровых сварных балок в сравнении с катаными, когда он не принимал в расчет отсутствие в стране свободных листовых мощностей и не отдавал отчет себе в необходимости, для реализации его проекта, строительства мощного листового стана стоимостью в тот самый балочный стан.

В нашем с тобой случае проще. Здесь прямо нужен стан 5000, и говорить о какой-то стоимости трубы вне главной ее составляющей – стоимости исходного листа – просто бессмысленно. А ведь последняя будет ой-ой! С учетом же всеми желаемой приличной окупаемости огромных на листовой комплекс (там ведь еще черт знает какой чисто металлургический передел!) капвложений – тем более.

Мне трудно судить о затратах на сварку, но думаю все же, что они будут соизмеримы с затратами на все остальное в чисто трубном комплексе. Ведь его двухшовный вариант проще и легче и по приемной части и по подготовке полубочаек.

Так что не все здесь однозначно, и потому я приветствую твой главный вывод о том, «чтобы заказ не ушел за границу!!!». Но снова вопрос: какой заказ? Ты имеешь в виду трубный комплекс, а я, исходя из наших реальных возможностей (всех – и конструкторских, и политических, и рваческих), думаю, как бы не ушла сама труба и именно в той постановке, о которой я писал губернатору и на которую ты не прореагировал в силу своей собственной увлеченности.

В части комплекса полагаю, что из-за желания, кроме того, сделать все быстро нам без иностранного инжиниринга (по крайней мере) не обойтись. Нет сил. 15 лет – почти ни одного молодого конструктора. 20 лет (страшно!) – ни одного более или менее нового комплексного проекта. Не поднять. А если так, то остается техника. Что заказывать с учетом стратегической перспективы и, в том числе, возможности производства трубы большего (чем 1420 мм) диаметра?

Я не затронул тут еще один вопрос – о самооценности собственно стана 5000, но он в достаточной степени освещен мной во втором письме губернатору. Такой стан не только не нужен сегодня, но, думаю, и вообще в наш компьютерно-ракетный век. В порядке дополнительного разъяснения своей позиции посылаю тебе также рукопись статьи, которая, как мне передали, напечатана в майском (сего года) номере журнала «Сталь».

Вот так. Придется тебе черкнуть пару строчек с учетом моих свежих соображений. согласишься – хорошо. Нет – плохо, но не безнадежно.

Пользуясь случаем, посылаю тебе еще одну свою небольшую книжку. Бывай здоров».

15.06

После недолгой болезни скончался в Москве Андрей Владимирович Третьяков.

Начиная эти дневниковые записи, я знал, что в силу своей житейской неорганизованности и периодической чем-либо увлекаемо-сти, вынужден буду писать о конкретных в них событиях с тем или иным отставанием во времени. Через неделю, месяц, а то и больше. Так оно и происходило на самом деле: многие здесь записи сделаны мною по воспоминаниям, так сказать задним числом.

В данном же случае оказался просто на грани некоего полумистического восприятия всего того, что можно связать со смертью и последними месяцами жизни Андрея. Такое ощущение возникло у меня совсем недавно, через полтора года после смерти Андрея, когда я вдруг спохватился и установил, что в моем архиве, в моих записях этого периода не оказалось ни одного слова о Третьякове, ни одного о нем упоминания, ни моего, ни других, не оказалось ни одного из наших с ним писем, датированных 2000-м годом. А ведь, знаю, – они были и мои и его, причем мои компьютерные, а его рукописные. И вдруг ни одного – ни в компьютере, ни в связке писем. Все письма за 98 – 99 годы, в том числе, мое последнее от 12.12.99 года есть, а за 2000-й год – ни одного. Точно какая-то мистика.

Столько переживаний и разговоров всю первую половину 2000-го года, с момента известия о его болезни, сколько затем последующих устных воспоминаний, даже одно сборище его бывших приятелей-свердловчан в первую годовщину со дня смерти, – и ни одной о том строчки, ни одного слова. Не подстроено ли все это судьбой, чтобы сохранить в памяти светлый образ этого человека, всегда жизнерадостного оптимиста, и устроить специально все так, чтобы ни что, затверженное в писаном слове, не напоминало о печальном его конце? Разве только одна эта запись.

30.07

«Марк, дорогой, здравствуй! Получил твое письмо с книжкой через два часа после того, как опустил в почтовый ящик свое. Естественно, в последнем надо слова об «обиде на тебя»

заменить на «благодарность за книжку», поскольку ты послал мне ее ранее сочиненной мной реакции на события тех дней.

Твое письмо меня расстроило: и тем, что тебе уже 76 (и самому мне лишь чуть меньше); и тем, что с глазами у тебя плохо; и что вместо того, чтобы немедленно броситься их лечить (а знающие люди говорят, это нужно делать возможно раньше, и так недавно поступил мой брат), ты продолжаешь напряженно работать (будто у нас с тобой еще по одной жизни) и намерен отложить операцию на конец года; и вообще тем, что, будучи неплохими аналитиками, ни ты, ни я, кажется, не понимаем элементарных проблем, когда они касаются нас лично. А ведь жизнь одна и ее надо постараться закончить, испытав все прелести. В том числе и свободу от «обязаловки» куда-то бежать, чего-то исполнять. Я прицепил тут себя, вспомнив, что и сам пребываю в аналогичной ситуации и таскаю в кармане уже пять месяцев направление своего терапевта на обследование и замер каких-то не понравившихся ей моих параметров.

Короче, так расстроился, что перестал спать, в голову полезли всякие мысли, вопросы. С дум о жизни перетаскился на деловую часть твоего письма, и вот, не выдержав, сегодня поднялся в два часа ночи и сел за ответ. Начну с трубы.

Ты как-то вдруг, без рассмотрения моих аргументов и доводов, приведенных в предыдущем письме, не только согласился с моей позицией по данной проблеме, но и согласился «абсолютно», а всякое быстрое согласие с чем-либо меня всегда настораживало, от кого бы оно не исходило. Если это сделано тобой взвешенно, то весьма признателен, хотя все же хотел бы услышать от тебя пару фраз в обоснование твоей измененной первоначальной концепции.

В части «недостаточной корректности» наших с Макаровым вероятностных расчетов, думаю, ты не прав. Нас по цели статьи не интересовал конкретный срок службы трубы. (Тем более что в рамках расчета реальной надежности изделия, при определенном исходном качестве его изготовления, эксплуатационная надежность есть функция не только времени, но и массы других факторов: сложности изделия, его многоэлементности, напряженности и качества эксплуатации, расчетного срока его работы. Как, например, автомобиля, когда, после определенного пробега, под ним больше приходится лежать, чем на нем ездить, или того же газопровода, когда в нем катастрофически во все возрастающих масштабах вдруг начинают происходить

«деградационные» отказы труб). Наша задача заключалась в том, чтобы, отнеся расчет к любому заданному сроку службы трубопровода (хоть 10, хоть твои 30, хоть все 50 лет), показать, без лишних выкрутас и наиболее наглядно для читателя, зависимость надежности трубопровода не столько от количества стыков, сколько от качества трубы во всей его совокупности. Твой пример расчета только усложняет нужную нам картину требуемой принципиальной зависимости.

О моей книжке. Признателен и тут за высокую ее оценку. Замечания у меня по твоим конкретным заключениям следующие.

Полностью соответствуют моей концепции твои выводы (что ценность индивидуума характеризуется его конкретными делами; что полезные дела обеспечивают эволюционное развитие общества, а революции есть величайшее, хотя и неизбежное, зло и что задача государства – предоставить его дееспособным членам делать полезные дела). Но относительно идеологии (что она якобы не нужна) ты чего-то придумал. Такого вывода у меня нет и не могло быть, как и у тебя самого, безусловно, в изначальном значении этого слова, ибо идеология – это наша гражданственность, честь и честность и все прочие нравственные характеристики человека. Я против только идеологии государственной и вообще любым силовым образом навязываемой. У меня об этом в первой книжке что-то есть. Наоборот, – нет и, по-моему, нет и во второй. Так что твой постулат не верен, а следовательно, и нет места для твоего каверзного вопроса в P.S. относительно идеологичности моих выводов. Мы с тобой полные единомышленники.

Думаю, что не расходимся и в части отношения к критике и конструктиву (позитиву), да было бы и странно обнаружить какие-либо с тобой расхождения. Ты придал несколько другой вид моим высказываниям по этой части.

Все остальное – сплошное для меня удовольствие. О книжке твоей я уже написал. Не могу лишь еще раз не повторить об эффекте сопричастности, который делает чужое сочинение особенно для нас приятным, точно так же, как и очень верно тобой отмеченное совпадение своих собственных представлений с авторскими, да еще когда их много и когда после прочтения обнаруживаешь, что «почти со всем согласен». Что может быть лучше?

А вот насчет социализма надо тебе подумать, почему он плох в основе и почему мы так успешно его использовали на первых порах, а затем, согласись, так резко стали сдавать? А уж к чему пришли, не стоит и упоминать! У меня на эту тему (не боюсь похвастаться) просто здорово написано и, кажется, верно расставлены все точки и запятые. Впрочем, это касается и всех других «измов». Разумность любой структуры есть функция культуры общества, ее определяющего, и соответствие структуры исходным законам природы. Поразмышляй. Твои тезисы о социализме очень наивны. Они соответствуют моему вопросу, который я многократно себе давно задавал. Кажется, нечто вроде: «Если так хорошо, то почему же тогда стало так все плохо?».

По этому поводу Николай Никандрович (по секрету) сообщил мне, что ты ярый коммунист и чтобы я был осторожен, дабы тебя ненароком не обидеть и не рассердить. Не унизительно ли? Я доволен, судя по концовке твоего письма, ты выше названных предрассудков.

Бывай здоров. Жду продолжения трилогии. Хорошо бы прочитать про твою методологию творческого конструкторского процесса. Хотя понимаю, что прямые советы в сем деле не очень уместны. Но, может, поспособствуют косвенно?».

18.08

Ответ от Цалюка на мое от 14.04 оказался точно в ожидаемом духе – с пространным разбором моей второй книжки. Суть его видна из моего ответа.

«Отвечаю на твое письмо. Получил его вовремя, но с ответом задержался из-за устроенного себе после работы летнего отпуска и почти полного безделья. Занимался только текущими домашними делами, а в остальном – пустым времяпровождением, чрезвычайно вдруг мне понравившимся: немного повальяешься, немного почитаешь, прошвырнешься в лесок и снова на боковую с маниловщиной в голове. Прелесть, оказывается, когда без забот, без планов и придуманной для себя «программы действий». Так что, извини, никак не мог собраться сесть за письмо, пока не получил напоминание о нем через Нину.

Ты, как всегда, опять задаешь мне вопросы, на которые либо, заведомо, знаешь ответ сам, либо ответы на них однозначно, на мой взгляд, освещены в мною написанном. Вынужден повторить их еще раз и дать кое-какие разъяснения по их сути.

О Марксе. Ответ на вопрос о воздействии трудов Маркса на «потрясающие общественные катаклизмы» есть в нескольких местах и в первой, и во второй моих книжках. Маркса (в плане его величия) сделал один наш «катаклизм», а последний сделали Ленин и Сталин. Не будь их, Маркса никто бы и не знал. Тут ты меня, в силу своего характера, бросишься критиковать за недооценку его трудов в свершении самих событий и появлении на арене Ленина и Сталина. И будешь опять не прав, ибо просто последним надо было вершить дела от имени Бога. Как выбирается «вершителями» Бог, у меня в книжках есть. К слову, в них, кажется, есть ответы на все случаи жизненных самых разных коллизий, с которыми я сталкивался по разным обстоятельствам последние 30 лет.

О Ленине. Я написал книжку в тезисном варианте и, в пределах целей, которые преследовал, считаю вполне достаточным того, что в ней приведено. В моем инженерном плане большие подробности не требуются: будет уже литература, а не история.

О Сталине. То же самое. Вполне достаточно того, что есть. Твоя озабоченность «физическим уничтожением миллионов честных людей» не будет через каких-нибудь сотню лет иметь никакого значения. Об этом у меня сказано в первой книжке, есть, кажется, и во второй. Что касается бандита Бухарина, так он из той же шайки и получил то, что заслужил. Процедура меня не интересует. И вообще мне импонирует Соломонов суд. Особо, когда дело касается первых лиц, формально не подсудных людей, когда их наказывают как бы сами развивающиеся события. Николай Романов (естественно, не его семья) наказан справедливо. Хотя без следствия и суда. А церковь его сегодня признала святым! Какая тебе философия?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.